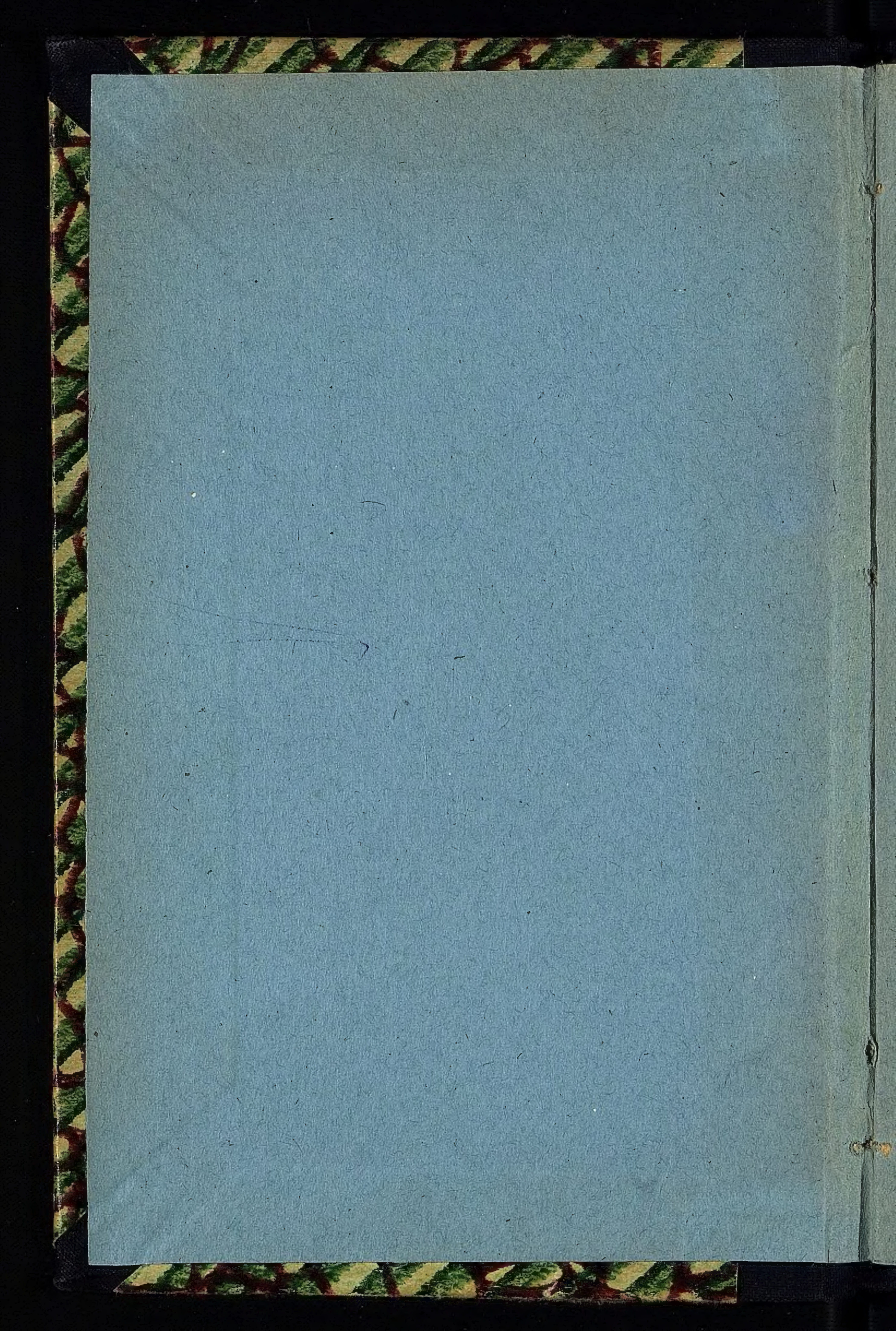

О. ЛИНДЪ.

ІОАННЪ III.

Цѣна 15 коп.

МОСКВА—1910.
Складъ изданія: Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ
А. Д. Друтманъ.

Книжный магаз. А. Д. ДРУТМАНЪ.

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

Архангельская. На тюленьемъ промыслѣ. Съ рис. Ц. 30 к.

Ачкасовъ, А. Н. *Путешествіе эльфа по кровеноснымъ сосудамъ человѣка. Съ рис. Ц. 20 к.

Бернетъ, Ф. Маленькая подвижница. Переводъ А. Рождественской. Съ рис. Ц. 25 к.

Бѣлоусовъ, И. Въ родныхъ поляхъ. Съ рис. Ц. 25 к.

— Птичья стайка. Съ рис. Ц. 25 к.

Вернъ, Жюль. *Вторая родина. Романъ. Съ рис. Ц. 1 р.

Гаваловичъ. Рождественскій канунъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Гофманъ. *Снѣжная принцесса. Сказка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 15 к.

Догановичъ, А. *Пѣсенка маятника. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к.

Д—ъ, Е. Н. *Мишукъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 40 к.

Жебаръ. *Пія и Викторинъ. Историч. пов. изъ временъ борьбы императоровъ съ папами. Перев. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

Кардо-Сысоева, Н. Въ новой семьѣ. Съ рис. Ц. 40 к.

Киплингъ, Р. *Три разсказа изъ Книги Дебрей. 1) Братъ волковъ. 2) Похищеніе лягушонка. 3) Тигръ! Тигръ! Пер. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 50 к.

— *Два разсказа изъ Книги Дебрей. 4) Бѣлый тюлень. 5) Рикки-Тикки-Тави. Переводъ В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Два разсказа изъ Книги Дебрей. 6) Слоновій Тумай. 7) Слуги королевы. Переводъ В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— Книга Дебрей. Въ переплетѣ. Ц. 1 р. 60 к.

Клаусманъ. Подъ боевымъ огнемъ. Съ рис. Ц. 30 к.

Коваленская, А. Разсказы и сказки для дѣтей. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. *Геніальный поморъ. Изд. 8-ое. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Жизнь. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к.

— Золотые сны. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Красный звонъ. Сборникъ разсказовъ. Изданіе 2-е. Съ рис. Ц. 50 к.

— *Новая звѣздочка. Изд. 5-е Съ рис. Ц. 25 к.

— *Пальмовая вѣтвь. Сборн. разск. и стих. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к.

Левицкій, И. *Два брата. Сказка. Пер. съ малорос. Н. Перелыгина. Съ рис. Ц. 25 к.

Левицкій П. *Андрейка-Мытарь. Разсказъ. Изд 2-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Лукашевичъ, Кл. *Двѣ сестры. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Колечко. Съ рис. Ц. 20 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. *Во ржи. Съ рис. Ц. 25 к.

— Въ лопухахъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— Въ подпольѣ. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Ворона и ея знакомые. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к.

— *Волшебная книга. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Души живыя. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Дядя Вакъ. Разсказъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Картинки современной жизни. Съ рис. Ц. 35 к.

— *Канарейка. Разсказъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

— Кузнецы-кузнечики. Съ рис. Ц. 30 к.

— Несчастья Ивана Ивановича. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Ничипоръ Бородай. Съ рис. Ц. 30 к.

— *На зарѣ. Сонъ въ руку. Съ рис. Ц. 20 к.

— *На вершинахъ деревьевъ. Съ рис. Ц. 30 к.

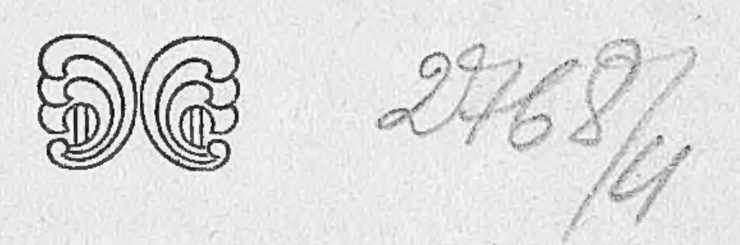
— Приключенія стрекозы, разсказанныя ею самой. Съ рис. Ц. 25 к.

— Пещера крота. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Пѣтухъ Османка. Съ рис. Ц. 25 к.

О. ЛИНДЪ.

Іоаннъ III.

МОСКВА—1910.
Складъ изданія: Моховая, д. Бенкендорфъ книжный магазинъ
А. Д. Друтманъ.

Типо-лит. Т-ва Владимiръ ЧИЧЕРИНЪ, въ Москвѣ, Марьин. уч., с. д.

Іоаннъ III.

Бываютъ въ исторіи личности, которыя привлекаютъ къ себѣ вниманіе своими трудами и дѣятельностью на благо родной страны, а иногда и всего человѣчества, личности, опережающія свой вѣкъ и ведущія за собой, въ своемъ побѣдоносномъ движеніи впередъ, къ лучшему будущему современное имъ общество; мы называемъ такихъ людей „великими" и преклоняемся передъ ними. Но названіе „великій" въ исторіи не всегда совпадаетъ съ дѣйствительными достоинствами прославляемаго человѣка; случается иногда, что все величіе человѣка заключается въ томъ, что онъ родился въ хорошее время, пришелъ на уже подготовленную почву, чтобы довершить въ извѣстномъ направленіи дѣятельность своихъ предшественниковъ,—такой человѣкъ не опережаетъ своего времени, не открываетъ никакихъ новыхъ путей, онъ только завершаетъ подготовленное другими.

Къ числу такихъ мнимо-великихъ людей относится московскій князь Іоаннъ III Васильевичъ, котораго нѣкоторые историки называютъ Великимъ; насколько онъ заслуживалъ это названіе, мы увидимъ изъ исторіи его правленія, которую мы хотимъ здѣсь разсказать.

Княженіе Іоанна III составляетъ переломъ въ русской исторіи; оно завершаетъ собой все, что выработали условія предшествовавшихъ столѣтій, и открываетъ путь тому, что должно было выработаться въ послѣдующія столѣтія. Съ этого времени начинается бытіе самостоятельнаго, самодержавнаго русскаго государства. Но прежде чѣмъ переходить къ описанію княженія Іоанна, намъ необходимо нѣсколько остановиться на государственномъ строѣ Русской земли, предшествовавшемъ тому, который выработался при Іоаннѣ, чтобы понять въ чемъ состоялъ переломъ, составляющій главный смыслъ Іоаннова княженія.

Государственный порядокъ, предшествовавшій водворенію самодержавія на Руси, носитъ названіе „удѣльнаго“ порядка. Посмотримъ въ чемъ онъ состоялъ. Въ XIII и XIV вѣкахъ Русская земля была подѣлена между многими правителями-князьями, которые правили самостоятельно своими княжествами, или иначе удѣлами. Одинъ изъ князей признавался старшимъ надъ другими, онъ назывался „великимъ княземъ“ и сидѣлъ въ главномъ городѣ Русской земли, которымъ былъ въ то время Владиміръ на Клязьмѣ. Князья были всѣ въ родствѣ между собой; это не мѣшало имъ постоянно ссориться и воевать другъ съ другомъ. Сознаніе единства родины и общности интересовъ было сильно затемнено у удѣльныхъ князей, благодаря дробленію русской земли на множество отдѣльныхъ княжествъ, иногда очень маленькихъ и бѣдныхъ, не превышавшихъ размѣрами владѣній частныхъ лицъ. Князья и смотрѣли на свои удѣлы, какъ на

личное достоянiе, заботились о благосостоянiи своихъ княжествъ, а до остальной земли имъ дѣла не было. Такой порядокъ не могъ очень долго держаться: онъ носилъ въ самомъ себѣ сѣмена разложенiя. Если бы одинъ какой-нибудь князь оказался сильнѣе другихъ князей, послѣднiе неминуемо должны были подпасть подъ его власть, благодаря своей слабости и отсутствiю единенiя. Такъ и случилось: въ XIV и XV вѣкахъ начинается постепенное собиранiе русской земли князьями московскими, завершившееся въ княженiе Iоанна III.

Въ началѣ своего существованiя княжество московское было однимъ изъ самыхъ незначительныхъ княжествъ русской земли.

Многiя причины помогли его возвышенiю; укажемъ на главныя изъ нихъ. Положенiе Московскаго княжества посрединѣ другихъ княжествъ защищало его отъ внѣшнихъ враговъ, поэтому сюда всегда стекалось много народа. На московскомъ престолѣ въ теченiе многихъ лѣтъ сидѣли умные и хитрые князья, которые умѣло и не останавливаясь ни передъ какими средствами расширяли свои владѣнiя, а въ своемъ княжествѣ такъ хорошо хозяйничали и поддерживали порядокъ, что народъ толпами переходилъ къ нимъ изъ другихъ княжествъ. Московскiе князья, благодаря своему скопидомству и бережливости, были очень богаты и, пользуясь этимъ, покупали села, деревни и цѣлые города у своихъ болѣе бѣдныхъ сосѣдей, а потомъ стали отнимать чужiя земли силой; благодаря всему этому размѣры московскаго

княжества въ XIV и XV вѣкахъ значительно расширились. Въ XIV вѣкѣ къ московскимъ князьямъ перешло и старшинство надъ другими князьями; значеніе главнаго города отошло къ Москвѣ, а великимъ княземъ сталъ князь московскій. Возвышеніе это обошлось не безъ борьбы; соперниками московскихъ князей были князья тверскіе, но Москва одержала побѣду надъ Тверью, благодаря помощи грозныхъ союзниковъ—татаръ.

Въ XIII вѣкѣ Русскую землю постигло страшное бѣдствіе: она подверглась нашествію народа монгольскаго племени татаръ. Татары пришли изъ глубины Азіи, гдѣ одинъ изъ ихъ князей Темучинъ или Чингизъ-ханъ, основалъ благодаря завоеваніямъ громадное царство. Пользуясь слабостью русскихъ князей, татары овладѣли русской землей и стали править ей, какъ завоеванной областью; впрочемъ правленіе ихъ заключалось главнымъ образомъ въ сборѣ податей, а во внутреннія дѣла государства они мало мѣшались. Владычество татаръ надъ Россіей извѣстно въ исторіи подъ именемъ „Татарскаго ига"; татары, покоривъ Русь, утвердились на берегахъ Волги, здѣсь было мѣстопребываніе ихъ князя, или хана, куда на поклоненіе ему съѣзжались князья, привозившіе съ собой богатые дары хану, придворнымъ и ханскимъ женамъ (татары, сначала были язычники, потомъ приняли магометанство, дозволяющее многоженство). Приволжское царство татаръ было извѣстно подъ именемъ Золотой Орды. Московскіе князья очень часто посѣщали Орду и такъ хорошо умѣли угодить ханамъ лестью и подарками, такъ ловко

умѣли оклеветать своихъ соперниковъ, что ханы охотно помогали Москвѣ своимъ войскомъ противъ гордыхъ тверичей, не умѣвшихъ какъ слѣдуетъ гнуть спину передъ всесильными побѣдителями. До владычества татаръ князья занимали великокняжескій столъ по очереди старшинства, при чемъ старшимъ въ родѣ считался не сынъ предыдущаго великаго князя, а слѣдующій за нимъ по старшинству братъ; но когда татары завладѣли Русью, они стали давать князьямъ ярлыки, или грамоты на княженіе, и тогда великимъ княземъ дѣлался тотъ, кто умѣлъ угодить татарамъ. Великокняжескій столъ перешелъ къ князю московскому, вслѣдствіе его дружбы съ Ордой и больше не выходилъ изъ подъ него. Въ это же время измѣнился порядокъ престолонаслѣдія и не братъ, а старшій сынъ сталъ наслѣдовать князю. Москва росла и крѣпла, а Золотая Орда, раздираемая междоусобіями изъ за ханскаго престола, начала клониться къ упадку. Пришелъ часъ и соединенныя рати сѣверно-русскихъ князей подъ начальствомъ Московскаго князя Димитрія Ивановича разбили на голову татарскія войска на Куликовомъ полѣ при впаденіи въ Донъ рѣки Непрядвы (1380 году). Это не уничтожило татарскаго ига, но сильно возвысило положеніе московскаго князя, котораго всѣ прославляли, какъ побѣдителя татаръ.

Но всего важнѣе было то, что Москва пріобрѣла значеніе церковной столицы Россіи. Случилось это еще до того, какъ Москва сдѣлалась столицей государственной, а именно въ первой половинѣ XIV-го вѣка. Высшій пастырь русской

церкви, митрополитъ владимірскій, часто ѣздилъ изъ главнаго города въ южно-русскія епархіи. По дорогѣ онъ останавливался въ Москвѣ. Такъ бывалъ и часто живалъ подолгу въ Москвѣ митрополитъ Петръ. Благодаря этому у него завязалась тѣсная дружба съ мѣстнымъ княземъ Иваномъ Калитой. Оба они вмѣстѣ заложили соборный храмъ Успенія въ Москвѣ; въ этомъ городѣ митрополита Петра застигла смерть въ 1326 году. Можетъ быть, онъ еще и не думалъ о перенесеніи митрополичьяго престола изъ Владиміра въ Москву, но эта случайность стала завѣтомъ для дальнѣйшихъ митрополитовъ. Преемникъ Петра поселился въ Москвѣ и съ тѣхъ поръ всѣ митрополиты стали жить тамъ. Богатыя средства, которыми располагала тогда русская церковь, стали стекаться въ Москву, содѣйствуя ея обогащенію. Но еще важнѣе было нравственное значеніе этого событія. Благодаря ему какъ свѣтское, такъ и церковное русское общество съ большимъ довѣріемъ стало относиться къ московскому князю, дѣйствовавшему объ руку съ митрополитомъ, и государственные успѣхи Москвы освящались въ народномъ представленіи содѣйствіемъ и благословеніемъ высшей духовной власти Руси.

Послѣ этихъ краткихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ событіямъ княженія Іоанна III Васильевича.

Іоаннъ III вступилъ на московскій престолъ въ мартѣ 1462 года, имѣя отъ роду двадцать два года. Дѣтство его прошло печально. Отецъ Іоанна, князь Василій Васильевичъ, человѣкъ недале-

каго ума и слабой воли, но коварный и злой, вступилъ въ споръ за великокняжескій престолъ со своимъ дядей, а затѣмъ съ двоюродными братьями *). Усобица эта потрясла все русское общество, высшія сословія котораго стояли за Василія и онъ, хотя и съ трудомъ, одержалъ верхъ. Во время этой борьбы схваченный вѣроломно врагами, Василій былъ ослѣпленъ и послѣднее время своего княженія правилъ не самъ, а посредствомъ приближенныхъ къ нему бояръ и митрополита Іоны. Іоаннъ, еще при жизни отца, былъ назначенъ его соправителемъ и въ договорныхъ грамотахъ того времени назывался великимъ княземъ.

Тогда началась и постепенно расширялась государственная дѣятельность Іоанна. Это былъ человѣкъ нрава суроваго и крутого, съ черствымъ сердцемъ, холодный, расчетливый и неуклонный въ преслѣдованіи избранной цѣли: утвержденія единодержавія на Руси; кромѣ ума и твердой воли, мы не видимъ въ Іоаннѣ ни одной привлекательной черты. Онъ не только не былъ храбръ, а отличался трусливой осторожностью и медлительностью, любя дѣйствовать исподволь и навѣрняка, но за то умѣлъ превосходно пользоваться обстоятельствами. Не видимъ мы въ Іоаннѣ благородной прямоты: свои стремленія къ объединенію Руси онъ прикрывалъ личиной уваженія къ правамъ князей и обычаямъ старины, а самовольные захваты старался выставить правильными и закон-

---

*) Въ этой борьбѣ видны остатки прежняго порядка престолонаслѣдія, когда великому князю наслѣдовалъ не сынъ, а братъ.

ными. Княженіе Іоанна продолжалось сорокъ три года и послѣдствія его были чрезвычайно важны для Руси.

Для большаго удобства, мы будемъ разсматривать правленіе Іоанна слѣдующимъ образомъ: сначала разскажемъ о дѣятельности его, ведущей къ объединенію Русской земли подъ властью московскаго князя; затѣмъ, остановимся на внутреннемъ укрѣпленіи единодержавія въ московскомъ государствѣ, въ связи со вторымъ бракомъ Іоанна; далѣе разсмотримъ отношенія князя московскаго къ восточнымъ народамъ, сосѣдямъ Россіи, и къ западнымъ государствамъ; въ заключеніе бросимъ бѣглый взглядъ на внутреннее состояніе нашей родины въ княженіе Іоанна.

Когда Іоаннъ вступилъ на московскій престолъ, собираніе Русской земли далеко еще не было закончено: существовало нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ удѣловъ, кромѣ того еще держались вольные города: Новгородъ и Псковъ. Къ борьбѣ Іоанна съ городомъ Новгородомъ мы сейчасъ и перейдемъ, но прежде намъ надо остановиться немного на внутреннемъ строѣ этого вольнаго города.

Государственный строй Новгорода Великаго, то есть старшаго города въ своей землѣ, отличался многими замѣчательными особенностями, выдѣлявшими новгородскую область среди другихъ областей Русской земли. Въ составъ новгородской земли входило обширное пространство, которое имѣло своими границами Финскій заливъ, Чудское озеро, верховья Волги, Вятки и Камы,

Бѣлое море а на востокѣ Уральскія горы и близъ лежащія за ними земли; надо всѣмъ этимъ владычествовалъ вольный городъ Новгородъ. Съ незапамятныхъ временъ Новгородъ славился своей торговлей, развивавшейся благодаря выгодному положенію города; онъ лежалъ недалеко отъ главныхъ рѣчныхъ бассейновъ *) нашей равнины, а Волховъ соединялъ его съ Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ (въ тѣ времена торговля велась главнымъ образомъ по рѣкамъ).

До второй четверти XII-го вѣка въ бытѣ новгородской земли не замѣтно никакихъ государственныхъ особенностей, которыя выдѣляли бы ее изъ ряда другихъ областей русской земли. Но съ этого времени Новгородъ, пользуясь непроходимостью окружавшихъ его лѣсовъ и болотъ и постоянными междоусобіями князей, начинаетъ пріобрѣтать все большую и большую самостоятельность. Въ половинѣ XIII-го вѣка онъ становится вольной общиной, власть въ этой общинѣ сосредоточивается въ рукахъ вѣча, то есть народнаго собранія изъ полноправныхъ гражданъ города. Вѣче призывало князя въ Новгородъ, заключало съ нимъ договоръ, а вслучаѣ недовольства княземъ прогоняло его, избирало архіепископа и главныхъ городскихъ сановниковъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, издавало и отмѣняло законы, устанавливало подати и повинности, избирало всѣхъ властей по новгородскимъ владѣніямъ и въ случаѣ ихъ неправиль-

---

*) Бассейнъ—пространство земли, рѣки котораго текутъ въ одно мѣсто.

ныхъ дѣйствій принимало на нихъ жалобы и наказывало виновныхъ. Вѣче не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а созывалось, когда въ немъ была надобность, иногда княземъ, чаще которымъ-либо изъ главныхъ городскихъ сановниковъ, по звону вѣчевого колокола. При рѣшеніи голосовъ не считали, а опредѣляли на глазъ на чьей сторонѣ сила; весьма часто вѣче кончалось дракой, которое разнимало духовенство. Волю вѣча приводили въ исполненіе два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія и суда: посадникъ и тысяцкій; первый былъ гражданскимъ управителемъ города, второй—военнымъ. Князь призывался въ Новгородъ для исполненія обязанности верховнаго судьи и для защиты отъ внѣшнихъ враговъ (при князѣ всегда было войско, называемое дружиной). Новгородцы заключали со своимъ княземъ условія (ряды), которыя онъ обязанъ былъ исполнять. Ряды эти состояли въ слѣдующемъ: во всѣхъ распоряженіяхъ князь долженъ былъ руководствоваться новгородскими обычаями и законами и кромѣ того былъ ограниченъ участіемъ посадника, такъ что даже судъ производилъ въ его присутствіи; князь не могъ лишить должности выборное лицо, не обвинивъ его и не доказавъ по суду вины, по которой онъ его лишаетъ власти; не долженъ былъ отмѣнять прежнихъ грамотъ, не могъ пріобрѣтать имѣній въ новгородской землѣ; на низшія должности, замѣщаемыя не по выбору, а по княжескому назначенію, князь долженъ былъ назначать людей изъ новгородскаго общества; наконецъ князь не могъ

препятствовать новгородской торговлѣ, а если самъ хотѣлъ принять въ ней участіе, то долженъ былъ торговать черезъ новгородца. Важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ принималъ новгородскій архіепископъ (владыка). Онъ имѣлъ свой судъ, собственный дворъ и собственный полкъ. Его совѣта искали князья и посадники; договоры съ другими княжествами и съ иностранными государствами всегда заключались съ его благословенія. Своимъ вліяніемъ владыка прекращалъ распри, возникавшія на вѣчѣ. Жители Новгорода дѣлились на большихъ людей или бояръ, купцовъ и меньшихъ, или черныхъ людей. Бояре благодаря своему богатству пріобрѣли въ городѣ большое вліяніе и должности посадника и тысяцкаго всегда замѣщались изъ ихъ среды. Купцы были также очень вліятельными людьми и составляли отдѣльное самостоятельное сословіе. Черные люди были мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у бояръ и купцовъ. Они были вполнѣ полноправными гражданами и принимали участіе въ вѣчѣ. Кромѣ свободныхъ людей, были и несвободные — холопы, не имѣвшіе никакихъ правъ и составлявшіе собственность господина. Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее устройство Новгорода Великаго. Городъ Псковъ управлялся приблизительно такъ-же, какъ и Новгородъ; до половины XIV вѣка онъ былъ въ зависимости отъ Новгорода, но потомъ по договору получилъ самостоятельность. Посмотримъ теперь какія условія подготовили паденіе Новгородской вольности во второй половинѣ XV вѣка. На первое мѣсто здѣсь

надо поставить рознь новгородскихъ сословій. Въ Новгородѣ всѣ свободные обыватели имѣли равные голоса на вѣчѣ, но на самомъ дѣлѣ господствовали тѣ сословія, которыя обладали торговымъ капиталомъ, то есть бояре и купцы. Съ XIV вѣка начинается борьба между этими послѣдними, называемыми „лучшими“ людьми, и черными, или „меньшими“ людьми. При этомъ на сторону черни становятся многіе представители торговой знати. Эта рознь между двумя половинами населенія ослабляла городъ; въ этомъ же направленіи дѣйствовали и три другія условія: области, входящія въ составъ новгородской земли, не чувствовали своего единства съ главнымъ городомъ и всегда были не прочь отдѣлиться отъ него; новгородская область не была хлѣбородна и хлѣбъ свой получала изъ низовой Руси, то-есть изъ внутреннихъ областей Великороссіи; и стоило какому-нибудь князю, враждующему съ Новгородомъ пріостановить доставку хлѣба, вольный городъ дѣлался добычей голода. Наконецъ, Новгородъ былъ очень слабъ въ военномъ отношеніи и войско его никакъ не могло устоять противъ княжескихъ полковъ. Но главная причина паденія Новгорода заключалась не въ его слабости, а съ силѣ московскаго государства. Къ половинѣ XV вѣка завершилось образованіе великорусской народности; эта народность должна была бороться за свое существованіе на востокѣ, на югѣ и на западѣ, а для этой борьбы ей было необходимо единство, необходима точка опоры. Такой точкой опоры сдѣлалась Москва; къ ней тянуло все населеніе Руси и пріостановить это движеніе не была

въ состояніи никакая сила. Новгородъ, какъ и отдѣльные удѣлы, неминуемо долженъ былъ пасть подъ ударами Москвы.

Московскіе князья уже давно посягали на новгородскую вольность. При дѣдѣ Іоанна, Василій І-мъ новгородцы были вынуждены принять у себя намѣстника московскаго князя; при Василіи Васильевичѣ они вели неудачную для нихъ войну съ княземъ Московскимъ и по окончаніи войны, на основаніи договора, обязались отмѣнить „вѣчныя“, то есть исходящія отъ вѣча, грамоты, писать грамоты отъ имени великаго князя и употреблять великокняжескую печать. Іоанну III оставалось только нанести послѣдній ударъ.

Новгородцы чувствовали свою близкую бѣду и ненавидѣли московскаго государя. Подъ вліяніемъ этой ненависти и опасенія за новгородскую независимость, въ городѣ составился кружокъ лицъ, рѣшившійся всѣми средствами отстаивать новгородскую самостоятельность отъ притязаній московскаго князя. Во главѣ этого кружка стояла женщина, вдова посадника, Мареа Борецкая, извѣстная въ исторіи подъ именемъ „Посадницы.“ Мареа была въ то время женщиной уже пожилой, имѣла взрослыхъ женатыхъ сыновей и внука; она была очень богата и въ своемъ домѣ, славившемся великолѣпіемъ, привлекала своимъ хлѣбосольствомъ и собирала около себя людей, готовыхъ стоять за свободу и независимость отечества. Кромѣ сыновей Мареы, съ нею за одно были многіе знатные новгородскіе бояре. Они пріобрѣли себѣ приверженцевъ среди простого народа и могли до поры

до времени ворочать вѣчемъ. Кружокъ Маровы видѣлъ, что одному Новгороду не справиться съ московскимъ княземъ, и потому члены этого кружка рѣшили прибѣгнуть къ помощи могущественнаго сосѣда русской земли: литовскаго великаго князя и польскаго короля Казиміра. Здѣсь необходимо сказать, что такое было княжество литовское. Литовцы народъ сродни славянамъ и германцамъ, населяли съ незапамятныхъ временъ земли по нижнему теченію Западной-Двины, по Нѣману и въ области нижней Вислы; вначалѣ это былъ народъ дикій, суровый, исповѣдывавшій языческую религію. Литовцы дѣлились на множество племенъ, которыя управлялись князьями. Мало по-малу всѣ болѣе слабыя изъ этихъ племенъ были завоеваны, а отчасти истреблены сосѣдними народами. Остались только литва и жмудь, жившія по Нѣману и его притокамъ. Въ половинѣ XIII вѣка эти племена объединилась подъ властью одного князя Миндовга, который положилъ начало сильному литовскому княжеству. При пріемникахъ этого князя, Литовское княжество усилилось присоединеніемъ къ нему западныхъ русскихъ областей, частью по родственнымъ связямъ литовскихъ князей съ русскими князьями, частью вслѣдствіе завоеваній; тогда къ Литвѣ перешли земли Витебская и Волынская, затѣмъ Кіевская, Черниговская, Подольская, Смоленская. Литовцы роднились съ русскими, принимали православіе, начинали усвоивать русскій языкъ и нравы, возникала надежда, что мало по-малу оба государства соединятся въ одно, но вышло не такъ. Во второй

половинѣ XIV-го вѣка, Литва, посредствомъ брака литовскаго князя съ польской королевой, соединилась съ Польшей. Литовскій князь Ягелло, принявъ титулъ польскаго короля и католичество, крестилъ въ католическую вѣру всѣхъ литовцевъ-язычниковъ, православные же его подданные не согласились мѣнять религіи.

Казиміръ, къ которому обратился кружокъ Борецкихъ, былъ католикъ, что сдѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ многихъ новгородцевъ: заключеніе съ нимъ союза казалось имъ измѣной православію; такимъ образомъ, Москва въ своей окончательной борьбѣ съ Новгородомъ имѣла могущественнаго нравственнаго союзника,—православную вѣру.

Іоаннъ Васильевичъ зналъ обо всемъ, что дѣлается въ Новгородѣ, но по свойственной ему хитрой осторожности не заявилъ гнѣва городу, а только послалъ сказать: „Люди новгородскіе, исправьтесь, помните, что Новгородъ—отчина великаго князя. Не творите лиха, живите по старому“. Новгородцы на вѣчѣ оскорбили пословъ великаго князя, и дали этому послѣднему такой отвѣтъ: „Новгородъ не отчина великаго князя, Новгородъ самъ себѣ господинъ.“ И послѣ того великій князь не разгнѣвался, а продолжалъ увѣщать новгородцевъ. Бояре замѣчали Іоанну, что Новгородъ оскорбляетъ его достоинство. Великій князь хладнокровно отвѣчалъ имъ: „Волны бьютъ о камни и ничего камнямъ не сдѣлаютъ, а сами разсыпаются пѣной и исчезаютъ какъ бы въ посмѣяніе. Такъ будетъ и съ этими людьми новгородцами.“

Въ концѣ 1470-го года новгородцы выпросили себѣ у Казиміра для угрозы Москвѣ намѣстника; Казиміръ прислалъ имъ князя Михаила Олельковича, который пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы и былъ принятъ съ честію, но новгородцы оставили у себя и намѣстника князя московскаго.

Въ это же время скончался владыка новгородскій Іона и на мѣсто его былъ избранъ Ѳеофилъ, человѣкъ слабый и безхарактерный, колебавшійся то въ ту, то въ другую сторону. Приверженцы новгородской вольности одержали верхъ на вѣчѣ, такъ что отъ всего великаго Новгорода былъ заключенъ договоръ съ Казиміромъ литовскимъ: Новгородъ поступалъ подъ верховную власть Казиміра, отступалъ отъ Москвы, а Казиміръ обязывался охранять его отъ покушеній московскаго князя. Іоаннъ узналъ о случившемся, но и тутъ не измѣнилъ обычному своему хладнокровію и отправилъ въ Новгородъ посла съ такими словами: „Я, князь великій, не чиню надъ вами никакого насилія, не налагаю на васъ никакихъ тяготей болѣе того сколько было наложено при моихъ предкахъ, я еще хочу больше васъ жаловать, свою отчину". Тогда же послалъ новгородцамъ увѣщаніе и митрополитъ Филиппъ, представлявшій имъ договоръ ихъ съ Казиміромъ, какъ измѣну православной вѣрѣ. Всѣ эти увѣщанія не помогли, ненависть къ Москвѣ была слишкомъ сильна. „Мы не отчина великаго князя", кричали новгородцы на вѣчѣ, „Великій Новгородъ извѣка вольная земля; Великій Новгородъ самъ себѣ государь!"

Великокняжескихъ пословъ отправили съ безчестіемъ.

Еще разъ и князь и митрополитъ пытались уговорить новгородцевъ смириться; ничто не дѣйствовало и Іоаннъ былъ вынужденъ обратиться къ оружію. Намѣстника Казимірова въ это время уже не было въ Новгородѣ; онъ ушелъ обратно.

Въ маѣ 1471 года великій князь созвалъ на думу своихъ братьевъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ и объявилъ имъ, что необходимо выступить въ походъ на новгородцевъ, но надо рѣшить теперь-ли выступать или ждать зимы, потому что земля новгородская наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходимыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хаживали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили все-таки выступить немедленно. 31 мая была отправлена первая рать подъ начальствомъ воеводы Образца на Двину, отнимать эту важную волость у Новгорода. 6 іюня пошло войско къ Ильменю подъ предводительствомъ князя Холмскаго, а 13 іюня двинулся на побережье рѣки Мсты отрядъ князя Оболенскаго-Стриги.

Великій князь далъ этимъ войскамъ приказаніе жечь по дорогѣ города и селенія, а жителей избивать безъ разбора и старыхъ и малыхъ: такъ велась война въ тѣ грубыя времена. За этими отрядами двинулся и самъ Іоаннъ съ главными силами, но побѣда была одержана его войсками до его прихода.

Московскіе ратные люди, исполняя приказаніе своего государя, вели себя безчеловѣчно: разбив-

ши новгородскій отрядъ на берегахъ Ильменя, московскіе военачальники приказали отрѣзать плѣнникамъ носы и губы и въ такомъ видѣ отправили ихъ показаться своимъ собратьямъ. Главное новгородское войско состояло большею частію изъ людей непривычныхъ къ битвѣ: ремесленниковъ и чернорабочихъ, большинство которыхъ согнали насильно. Неудивительно, что такое войско, несмотря на его огромное численное превосходство надъ московской ратью (у москвичей было немного болѣе 4000, а у новгородцевъ до 40000) было на голову разбито этой послѣдней на берегу рѣки Шелони (13 іюля 1471 года). Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Яжолбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; онъ приказалъ отрубить голову четверымъ, взятымъ въ плѣнъ, предводителямъ новгородскаго войска и въ числѣ ихъ сыну Марѳы Борецкой, Димитрію Исаакіевичу. Изъ Яжолбицъ Іоаннъ двинулся въ Русу, оттуда къ Ильменю и готовился добывать Новгородъ оружіемъ. Призадумались новгородцы. Казиміръ не слалъ имъ войска на подмогу, а собственная ихъ рать была разбита. Народъ съ воплемъ сталъ просить своего архіепископа ѣхать къ великому князю съ ходатайствомъ о помилованіи. Ѳеофилъ съ нѣсколькими именитыми новгородскими людьми отправился бить челомъ Іоанну, который стоялъ уже при устьѣ Шелони.

Владыка прежде всего поднесъ подарки братьямъ великаго князя и его боярамъ, а потомъ былъ допущенъ въ шатеръ Іоанна гдѣ въ униженныхъ выраженіяхъ и молилъ его о пощадѣ. Братья мо-

сковскаго князя и московскіе бояре приняли подарки и также просили за Новгородъ; о томъ-же писалъ Іоанну митрополитъ. Великій князь смягчился. Заключили договоръ.

Новгородъ отрекся отъ связи съ литовскимъ государемъ, уступилъ московскому князю часть Двинской земли, гдѣ новгородское войско было разбито московскимъ, и кромѣ того заплатилъ Іоанну 15 тысячъ рублей. Осторожный Іоаннъ не уничтожилъ тотчасъ вольность новгородскую, а предоставилъ новгородцамъ сдѣлать еще новый шагъ къ погибели. Новгородская земля была обезсилена и разорена, и московскій князь спокойно ожидалъ удачнаго случая для окончательнаго покоренія Новгорода.

Въ 1475 году великій князь посѣтилъ этотъ городъ и былъ принятъ тамъ съ большимъ почетомъ; новгородцы продолжали ссориться между собой и нѣкоторые изъ нихъ обратились къ Іоанну съ просьбой ихъ разсудить. Великій князь охотно согласился и осудилъ четырехъ человѣкъ, противниковъ Москвы, въ томъ числѣ 2-го сына Мароы Борецкой, Оедора, а къ нимъ велѣлъ присоединить еще двухъ, не подвергавшихся суду, припомнивъ, что они хотѣли отдать Новгородъ польскому королю. Изъ этого можно заключить, какъ справедливъ и законенъ былъ судъ Іоанна, но при этомъ двуличный князь дѣлалъ видъ, что соблюдаетъ старину: на судѣ присутствовали посадникъ, владыка и нѣсколько приставовъ отъ вѣча. Осужденные были отправлены въ Москву, а оттуда въ заключеніе въ Муромъ и Коломну.

Тамъ, гдѣ ему нечего было остерегаться, Іоаннъ былъ неумолимъ и всѣ просьбы новгородцевъ объ освобожденіи этихъ людей остались безъ отвѣта. Великокняжескій судъ понравился тѣмъ, кто былъ имъ оправданъ, и это побудило многихъ новгородцевъ ѣздить въ Москву съ жалобами на своихъ обидчиковъ. Іоаннъ разбиралъ эти жалобы и такимъ образомъ присвоилъ себѣ право верховнаго суда въ Новгородѣ. Выслушивая новгородскихъ истцовъ въ Москвѣ, великій князь отправлялъ московскихъ приставовъ за отвѣтчиками. Въ числѣ такихъ челобитчиковъ и отвѣтчиковъ, пріѣхали разъ въ Москву двое чиновниковъ новгородскаго вѣча; въ Москвѣ ихъ разумѣли, какъ пословъ отъ вѣча. Вмѣсто того чтобы по старинѣ называть великаго князя господиномъ, они назвали его государемъ. Іоаннъ ухватился за это и 24 апрѣля 1477 года отправилъ своихъ пословъ спросить: какого государства хочетъ Великій Новгородъ, такъ какъ объ этомъ государствѣ говорили въ Москвѣ, пріѣхавшіе отъ всего Новгорода послы. Новгородцы отвѣчали, что они государемъ Іоанна не называли, и бьютъ челомъ, чтобы все оставалось по старинѣ. Еще до отъѣзда великокняжескихъ пословъ, поднялось волненіе и вѣче казнило троихъ лицъ, въ томъ числѣ одного изъ вышеупомянутыхъ чиновниковъ, называвшихъ Іоанна государемъ. Тогда великій князь двинулся вторично на Новгородъ войной.

Опять началось безпощадное опустошеніе всего на пути московской рати. Новгородцы, не имѣя силъ для борьбы, послали, по примѣру прошлыхъ

лѣтъ, Өеофила съ послами просить помилованія у московскаго князя. Іоаннъ не захотѣлъ ихъ принять, а московскіе бояре сказали посламъ: „Если Новгородъ захочетъ бить челомъ, то онъ знаетъ какъ ему бить челомъ“. Еще разъ отправлялъ Новгородъ своихъ пословъ къ Іоанну и опять не допущенные къ великому князю они слышали отъ бояръ его все тѣ же загадочныя слова: „Если Новгородъ захочетъ бить челомъ, то онъ знаетъ какъ ему бить челомъ“. Между тѣмъ великокняжескія войска захватили подгородные монастыри, окружили весь городъ; Новгородъ очутился замкнутымъ со всѣхъ сторонъ. Въ третій разъ поѣхали послы къ Іоанну и теперь бояре объявили имъ прямо, что великій князь хочетъ, чтобы въ Новгородѣ было такое же государство, какъ и въ Москвѣ, вѣчу и колоколу не быть, посаднику не быть, а управлять въ Новгородѣ великокняжескимъ намѣстникамъ. За это новгородцевъ обнадеживали тѣмъ, что великій князь не станетъ отнимать у бояръ земель и не будетъ выводить жителей изъ Новгорода. Шесть дней думали новгородцы и, наконецъ, не видя ни откуда помощи, рѣшили принять всѣ условія мира. Владыка съ послами снова поѣхалъ въ станъ великаго князя и объявилъ, что Новгородъ соглашается на все. Послы предложили написать договоръ въ этомъ же смыслѣ и утвердить его съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но бояре сказали, что великій князь не станетъ цѣловать креста. „Пусть бояре поцѣлуютъ крестъ“, сказали новгородскіе послы. „И боярамъ не велитъ государь цѣловать

креста“, отвѣчали бояре, доложивши прежде объ этомъ великому князю. „Такъ пусть намѣстникъ великаго князя поцѣлуетъ крестъ“, говорили новгородцы. „И намѣстнику не велитъ государь цѣловать крестъ“, отвѣчали бояре. Новгородскіе послы съ такимъ отвѣтомъ хотѣли итти въ Новгородъ, но ихъ задержали, не сказавши причинъ за что задерживаютъ. Іоаннъ нарочно медлилъ, желая довести Новгородъ до полнаго изнеможенія. Наконецъ, въ январѣ былъ заключенъ договоръ: Новгородъ отдалъ великому князю половину владычныхъ и монастырскихъ земель и заплатилъ большую сумму денегъ. 15 января 1478 года новгородцы принесли присягу на полное повиновеніе московскому государю; въ этотъ же день былъ увезенъ изъ Новгорода вѣчевой колоколъ, который впослѣдствіи былъ повѣшенъ на колокольнѣ одной изъ московскихъ церквей. Несмотря на обѣщаніе никого не выводить изъ Новгорода, великій князь въ февралѣ того же года приказалъ схватить, заковать и отправить въ Москву нѣсколько лицъ, стоявшихъ за независимость Новгорода, въ томъ числѣ Марѳу Борецкую съ внукомъ, сыномъ уже умершаго тогда въ заточеніи въ Муромѣ Ѳедора. Имущество опальныхъ досталось великому князю. Іоаннъ назначилъ въ Новгородъ четырехъ намѣстниковъ и уѣхалъ въ Москву. Современники говорятъ, что по его приказанію отправились туда триста возовъ съ добычей, награбленной у новгородцевъ. Такъ какъ и послѣ того приверженцы новгородской самостоятельности были сильны и волновали народъ, то нѣсколько тысячъ вліятель-

ныхъ новгородскихъ семействъ были переселены въ московскіе города, а въ Новгородъ на ихъ мѣсто поселили людей изъ Москвы. Такъ кончилась самостоятельность Новгорода Великаго. Послѣ Новгорода были завоеваны, находившіяся отъ него въ зависимости земли: пермская, печерская, югорская и община вятская.

Участь Пскова въ княженіе Іоанна была не столь печальна: благодаря постоянному старанію угодить великому князю, онъ удержалъ на время свою старину и палъ лишь при пріемникѣ Іоанна. Происходили правда недоразумѣнія изъ-за намѣстниковъ московскаго князя, которыхъ онъ назначалъ въ Псковъ, но до войны Іоанна со Псковомъ дѣло никогда не доходило, а во время походовъ московскаго войска на Новгородъ, псковское войско помогало москвичамъ.

Отъ отношеній Іоанна къ вольнымъ городамъ перейдемъ къ его отношеніямъ къ остаткамъ удѣльнаго порядка.

Какъ мы уже сказали при вступленіи Іоанна на престолъ собираніе Руси еще не было закончено. Но многое было уже сдѣлано предками Іоанна, которые и мирными и не мирными способами присоединили къ своимъ владѣніямъ многія области, входящія въ составъ удѣльныхъ владѣній, и цѣлыя удѣльныя княжества. Во время борьбы Москвы съ Новгородомъ къ Москвѣ тяготѣло простонародіе, которое угнетала торговая знать; въ удѣльныхъ княжествахъ сѣверной Руси на сторонѣ Москвы были бояре, которымъ выгоднѣе было служить у московскаго князя,

чѣмъ у своихъ князей, и они поэтому отъѣзжали въ Москву.

Когда Іоаннъ вступилъ на престолъ, тверское княжество еще не было присоединено къ Москвѣ. Тверской князь Михаилъ Борисовичъ вступилъ въ договоръ съ Казиміромъ литовскимъ; такъ какъ этимъ союзомъ Михаилъ нарушалъ договоры, ранѣе заключенные съ Москвой, то Іоаннъ III пошелъ на него войной, опустошилъ тверскую область и заставилъ Михаила, которому польскій король помощи не присылалъ, заключить съ нимъ миръ. Вслѣдъ затѣмъ тверскіе бояре, видя униженіе своего князя, стали отъѣзжать на службу къ Іоанну, а Михаилъ, постоянно оскорбляемый московскимъ княземъ, завелъ новыя сношенія съ Литвой. Іоаннъ снова пошелъ на Тверь, тогда Михаилъ уѣхалъ въ Литву, а Тверь была присоединена къ Москвѣ (въ 1485 году).

Всѣ поводы были хороши для Іоанна, когда дѣло шло объ расширеніи его владѣній и укрѣпленіи единовластія. Вотъ, напримѣръ, какъ раздѣлался онъ съ княземъ верейскимъ. Когда у Іоанна родился внукъ Димитрій (въ апрѣлѣ 1483 года), обрадованный дѣдъ хотѣлъ подарить своей невѣсткѣ, матери новорожденнаго, жемчужное украшеніе, принадлежавшее нѣкогда его первой женѣ Маріи. Но оказалось, что вторая жена Іоанна, Софія, по происхожденію греческая царевна, о которой намъ еще придется говорить, подарила это украшеніе своей племянницѣ гречанкѣ Маріи, вышедшей замужъ за сына князя верейскаго Василія Михайловича. Іоаннъ такъ разсвирѣпѣлъ,

что приказалъ отнять у Василія все приданое его жены и хотѣлъ взять подъ стражу его самого. Василій убѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ женой. Тогда великій князь, давно мечтавшій о присоединеніи къ Москвѣ верейскаго княжества, обрушился на ни въ чемъ неповиннаго старика Михаила Андреевича верейскаго. За вину сына Іоаннъ отобралъ у него удѣлъ, а потомъ возвратилъ на слѣдующихъ условіяхъ: Михаилъ Андреевичъ отрекся отъ сына, обязался не сноситься съ нимъ и выдавать великому князю всякаго посланца, котораго вздумаетъ сынъ его прислать къ нему; наконецъ, несчастный князь написалъ завѣщаніе, по которому отказывалъ великому князю московскому всѣ свои владѣнія. Смерть не замедлила постигнуть Михаила Андреевича (весной 1485 года); говорили впослѣдствіи, что Іоаннъ ускорилъ ее.

Кромѣ Твери и Вереи, въ княженіе Іоанна были присоединены къ Москвѣ еще княжество ярославское, ростовское и удѣлы младшихъ братьевъ Іоанновыхъ, одинъ изъ которыхъ умеръ въ тюрьмѣ, куда посадилъ его старшій братъ. Преемнику Іоанна оставалось присоединить въ сѣверо-восточной Руси къ своимъ владѣніямъ только Псковъ и княжество рязанское, котораго Іоаннъ не трогалъ, потому что оно повиновалось ему. Изъ вышепоименованныхъ княжествъ ярославское добровольно отказалось отъ самостоятельности, ростовское было куплено, а удѣлы братьевъ Іоанна частью были переданы великому князю по завѣщанію, частью захвачены имъ. Такъ совершилось объединеніе Русской земли подъ властью московскаго князя.

Расширяясь въ объемѣ, московское государство въ княженіе Іоанна III крѣпло и внутри. Великій князь сталъ усвоять своей власти болѣе высокое значеніе, чѣмъ она имѣла до этого времени. Въ этомъ Іоанну много помогъ бракъ его съ греческой царевной Софіей Палеологъ. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ событіи, намъ необходимо вернуться назадъ и сказать въ нѣсколькихъ словахъ, что такое представляла изъ себя до Іоанна власть великаго князя по отношенію къ другимъ князьямъ и къ населенію собственнаго княжества.

Въ началѣ русской исторіи отношенія между князьями держались узами родства: великій князь долженъ былъ заботиться о своихъ сородичахъ, какъ о дѣтяхъ, а тѣ почитать его и слушаться, какъ отца. Но въ XIV и XV вѣкахъ эти отношенія измѣняются и изъ родственныхъ становятся служебными и мало-по-малу удѣльные князья превращаются въ слугъ великаго князя московскаго, связанныхъ съ нимъ договорами. Населеніе русскаго княжества во время татарскаго ига дѣлилось на людей служилыхъ и тяглыхъ, или податныхъ. Служилые люди: бояре, дѣти боярскіе и дворные люди (впослѣдствіи дворяне) несли службу государеву гражданскую и военную и за эту службу получали отъ государя вознагражденія въ видѣ земельныхъ владѣній. Городское и сельское населеніе платило подати; оно было въ полной зависимости отъ князя, въ томъ смыслѣ, что этотъ послѣдній не спрашивалъ совѣта тяглыхъ людей въ дѣлахъ и не заключалъ съ ними договоровъ. Были еще холопы, принадлежавшіе землевладѣль-

цамъ и не имѣвшіе никакихъ правъ. Изъ всѣхъ слоевъ населенія княжества, самымъ важнымъ и значительнымъ въ смыслѣ близости къ князю и вліянія на государственныя дѣла было боярство. Бояре составляли думу при князѣ, съ которой онъ совѣтовался о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, отношенія князя къ боярамъ были простыя и дружелюбныя; бояре пользовались правомъ свободнаго переѣзда отъ одного князя къ другому и при этомъ сохраняли за собой земли во владѣніяхъ того князя, отъ котораго отъѣхали. Самыми сильными и богатыми боярами были бояре князя московскаго; служба въ московскомъ государствѣ была очень выгодна и потому къ московскому князю отъѣзжали изъ другихъ княжествъ не только бояре, но и мелкіе удѣльные князья, которые становились въ ряды московскаго боярства, сохраняя за собой княжескій титулъ. Въ княженіи Іоанна отношеніе великаго князя московскаго къ своимъ боярамъ претерпѣли значительное измѣненіе въ связи съ новымъ взглядомъ на власть московскаго государя; взглядъ этотъ развился, несомнѣнно, подъ вліяніемъ второго брака Іоанна. Къ описанію этого важнаго событія мы сейчасъ и перейдемъ.

Первымъ бракомъ Іоаннъ былъ женатъ на тверской княжнѣ Маріи, отъ которой имѣлъ сына также Іоанна, по прозванію „Младого.“ Іоанна III-го женили на Маріи еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, и онъ не долго прожилъ съ этой женой. Въ 1467 году Марія скончалась; тѣло ея такъ распухло, что положенный на него покровъ, сначала висѣвшій до земли, потомъ ока-

зался недостаточнымъ для прикрытія трупа; начали толковать, что княгиня была отравлена, дознались; что одна изъ женщинъ ея Наталья Полуэктова посылала поясъ княгини къ ворожеѣ. Великій князь сильно разгнѣвался на Наталью и на мужа ея и не пускалъ послѣдняго шесть лѣтъ къ себѣ на глаза. Смерть княгини Маріи остается темнымъ событіемъ: она развязала великаго князя и дала ему скоро возможность вступить въ другой бракъ, важный по своимъ послѣдствіямъ.

Вотъ какъ это произошло.

Въ 1453 году Константинополь или Византія, какъ тогда называли этотъ городъ, былъ завоеванъ турками. До этого названный городъ былъ столицей когда-то могущественной греческой имперіи, съ которой русскіе съ незапамятныхъ временъ находились въ сношеніяхъ; оттуда же они переняли христіанство въ видѣ православной вѣры, которую исповѣдывали греки. Греческая имперія, ослабѣвшая вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, пала подъ ударами турокъ; послѣдній византійскій императоръ Константинъ Палеологъ погибъ при осадѣ Константинополя. Братъ его Ѳома нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ. Здѣсь онъ и умеръ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и красивую и умную дочь Софію. Римскій папа *) покровительствовалъ изгнанникамъ и, когда Софія выросла, сталъ искать ей жениха. Выборъ его палъ на великаго князя московскаго, въ то время овдовѣв-

*) Папа—римскій первосвященникъ, глава католической церкви.

шаго, и папа черезъ римскаго кардинала *) Виссаріона, родомъ грека, предложилъ Софію въ супружество Іоанну, безъ сомнѣнія, желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвой и утвердить здѣсь свою власть. Въ февралѣ 1469 года грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Іоанну руку греческой царевны, отказавшей будто-бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ-католикамъ: королю французскому и итальянскому герцогу. Іоаннъ остался очень доволенъ предложеньемъ, но по свойственной ему осторожности, сначала посовѣтовался съ митрополитомъ, матерью, боярами и, только получивъ ихъ одобреніе, отправилъ въ Римъ своего посла монетнаго мастера, итальянца Ивана Фрязина. Фрязинъ возвратился съ портретомъ царевны и съ пропускными грамотами отъ папы для проѣзда пословъ московскихъ съ Софіею по всѣмъ землямъ католическимъ. Тутъ-же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лицо жениха при обрученіи. Желая поскорѣе обдѣлать дѣло, Фрязинъ наговорилъ въ Римѣ много лишняго, представлялъ Іоанна вполнѣ преданнымъ папѣ, а самъ прикидывался католикомъ, хотя, живя въ Россіи, принялъ православіе. Папа въ своемъ отвѣтѣ послу хвалилъ московскаго князя за то, что онъ признаетъ папу главой церкви, точно это признаніе въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто, а самъ между тѣмъ, какъ будто по желанію Іоанна, отправлялъ

*) Кардиналъ—высшій послѣ папы духовный чинъ католической церкви.

въ Москву отъ себя посломъ кардинала изслѣдовать на мѣстѣ тамошніе религіозные обряды и направить на истинный путь московскаго князя и его подданныхъ.

24 іюня 1472 года нареченная невѣста Іоанна выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи папскаго посла, кардинала Антонія. Съ нею отправилась толпа грековъ: между ними былъ посолъ отъ братьевъ Софіи, по имени Димитрій. Царевна плыла моремъ, высадилась въ Ревелѣ и 13 октября прибыла въ Псковъ, а оттуда въ Новгородъ. Въ обоихъ городахъ ее встрѣчали съ большимъ почетомъ. Въ Псковѣ Софія пробыла пять дней, благодарила псковичей за гостепріимство и обѣщала ходатайствовать передъ великимъ княземъ о ихъ правахъ; но псковичи съ удивленіемъ смотрѣли на папскаго посла въ красной кардинальской одеждѣ, въ перчаткахъ; болѣе всего ихъ поражало то, что этотъ высокопоставленный духовный сановникъ не оказывалъ уваженія къ иконамъ, не полагалъ на себя крестнаго знаменія, и только подходя къ образу Пречистой Богородицы, перекрестился, но и то, какъ было замѣчено, сдѣлалъ это по указанію царевны. Между тѣмъ въ Москвѣ Іоаннъ совѣщался съ матерью, братьями и боярами: какъ быть съ кардиналомъ? До великаго князя дошла вѣсть, что вездѣ, гдѣ ни останавливалась Софія, папскій посолъ шелъ передъ ней, а впереди несли серебряное литое распятіе. Нѣкоторые полагали, что не слѣдуетъ этому препятствовать; другіе же были недовольны, видя въ этомъ почетъ чуждой вѣрѣ. Іоаннъ послалъ спросить митропо-

лита Филиппа; тотъ велѣлъ отвѣчать: „Нельзя тому статься, чтобы онъ такъ входилъ въ городъ, да и приближаться къ городу ему такъ не слѣдуетъ: если ты его почтишь то онъ—въ одни ворота въ городъ, а я другими воротами вонъ изъ города! Не только видѣть, но и слышать намъ о томъ не годится; кто чужую вѣру хвалитъ, тотъ надъ своею вѣрою ругается.“ Тогда великій князь послалъ къ папскому послу сказать, чтобы онъ спряталъ свое литое распятіе. Кардиналъ, подумавши, повиновался; больше противился московскій посолъ Иванъ Фрязинъ: хотѣлось ему оказать честь папскому послу, потому что ему самому оказали въ Римѣ большую почесть. 12 ноября невѣста прибыла въ Москву, гдѣ все уже было готово къ бракосочетанію, и въ тотъ же день была обвѣнчана съ Іоанномъ. На другой день кардиналъ представлялся великому князю и поднесъ ему дары. Великій князь принялъ Антонія съ большимъ почетомъ, но папскій посолъ скоро увидѣлъ, что не было надежды на подчиненіе русской церкви папѣ. Пренія по поводу церковныхъ дѣлъ Іоаннъ предоставилъ митрополиту; тотъ выставилъ противъ кардинала для состязанія о вѣрѣ какого-то Никиту Поповича. Но изъ этого состязанія не вышло ничего. Русскіе говорили, будто кардиналъ сказалъ Никитѣ: „нѣтъ книгъ со мною“ и потому не могъ съ нимъ спорить. Во всякомъ случаѣ попытка папы подчинить себѣ русскую церковь, посредствомъ брака Іоанна съ Софіей Палеологъ, окончилось неудачно. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

Въ XV вѣкѣ все клонилось къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія, но отъ стараго удѣльнаго порядка оставались еще нѣкоторые пріемы и обычаи, отъ которыхъ надо было освободиться. Великій князь Московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей сѣверной Руси, но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; князья родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго отношенія, бояре сохраняли право отъѣзда; кромѣ того, при дворѣ московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ родствѣ съ княземъ московскимъ и выдѣлялись изъ московскаго боярства, становясь выше его, слѣдовательно, имѣя еще больше притязаній. Въ успѣшной борьбѣ съ этими пережитками стараго порядка Іоанну очень помогли преданія Византійской имперіи, перенесенныя на Русь Софіей. Греческая самодержавная имперія пала; московскій князь черезъ свой бракъ съ племянницей послѣдняго греческаго императора становился какъ бы его преемникомъ. Первымъ видимымъ знакомъ этой преемственности было принятіе двуглаваго орла, герба Византійской имперіи, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ гербомъ русскимъ (до тѣхъ поръ гербомъ московскаго государства было изображеніе Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія; теперь эти гербы были соединены вмѣстѣ). Измѣнился и титулъ Іоанна. Въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ королемъ, московскій князь сталъ называть себя „государемъ всея Руси"; титулъ этотъ уже употреблялся внутри московска-

го государства. Въ сношеніяхъ съ неважными иностранными дворами, берется титулъ „царя всея Руси“ („царь“—сокращенное отъ „цезарь“ что значитъ „императоръ“). Въ грамотахъ, употребляемыхъ внутри русскаго государства, Іоанна начинаютъ называть, какъ этимъ титуломъ, такъ и титуломъ „самодержца“. Въ связи съ этимъ власти московскаго государя усвояютъ божественное происхожденіе: Іоаннъ начинаетъ наименоваться „государемъ Божіей милостью“. Этимъ внѣшнимъ признакомъ возвышенія власти московскаго государя соотвѣтствовали и внутреннія перемѣны. Значеніе бояръ и князей упадаетъ передъ самодержавнымъ государемъ, всѣ дѣлались равны, всѣ одинаково были его рабами. За ослушаніе Іоаннъ каралъ всѣхъ равно строго: по первому мановенію грознаго властителя, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Прежнее простое обращеніе князя съ боярами замѣнилось строгимъ и гордымъ; онъ пересталъ совѣтоваться съ ними о дѣлахъ, какъ было заведено по старинѣ, а все рѣшалъ самъ съ приближенными людьми. Бояре въ прежнее время въ случаѣ недовольства государемъ могли отъѣхать отъ него въ другое княжество; при Іоаннѣ они лишились этого права да и отъѣхать имъ было некуда, такъ какъ всѣ отдѣльныя волости Русской земли были уничтожены. На ряду съ возвышеніемъ власти князя перемѣнилась совершенно и обстановка княжескаго двора. Столица русскаго государства въ тѣ времена имѣла весьма неказистый видъ: всѣ дома были маленькіе и деревянные, изъ камня строились

только церкви; князья жили очень не богато въ деревянныхъ домахъ. Іоаннъ первый велѣлъ выстроить призваннымъ изъ за границы архитекторамъ каменный дворецъ для себя и Грановитую палату для торжественныхъ пріемовъ и собраній. Вмѣстѣ съ тѣмъ вводятся изъ Византіи придворные чины и церемоніи, между прочимъ цѣлованіе монаршей руки. Съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ нововведеній Іоаннъ превратился окончательно въ восточнаго властителея: одно его явленіе наводило трепетъ. Женщины, по словамъ современниковъ, падали въ обморокъ отъ его гнѣвнаго взгляда; придворные, со страхомъ за свою жизнь, должны были въ часы досуга забавлять его, а когда онъ, сидя въ креслѣ, предавался дремотѣ, они раболѣпно стояли вокругъ, не смѣя кашлянуть или двинуться, чтобы не разбудить его. По мѣрѣ усиленія могущества московскаго государя, замѣтно возрастала его жестокость. Тюрьмы наполнялись, битье кнутомъ стало повсемѣстнымъ явленіемъ; страшныя пытки сопровождали допросы. Перемѣна въ Іоаннѣ не могла не вызвать большого недовольства среди его бояръ. Непріятныя для нихъ новшества они приписывали вліянію Софіи, и, повидимому, на самомъ дѣлѣ Софія имѣла очень большое вліяніе на мужа въ дѣлѣ введенія византійскихъ обычаевъ и укрѣпленія единодержавной власти. Объ этомъ согласно говорятъ и современники и ближайшіе потомки; свидѣтельствуетъ объ этомъ и иностранецъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софіи: „это была“, говоритъ онъ, „женщина не-

обыкновенно хитрая; по ея внушенію великій князь сдѣлалъ многое". Ненависть бояръ къ Софіи особенно ясно выражалась въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи, возникшемъ еще при жизни Іоанна. Намъ надо нѣсколько остановиться на этомъ событіи, такъ какъ въ немъ ярко выражается могущество единодержавной власти Іоанна.

Какъ мы уже упоминали у Іоанна отъ перваго его брака съ Маріей тверской былъ сынъ тоже Іоаннъ; въ отличіе отъ отца его называли „Молодымъ". Іоаннъ Васильевичъ, по примѣру отцовскому, называлъ его великимъ княземъ, чтобы отнять у братьевъ предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства передъ племянникомъ и вслѣдствіе этого грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей, посольства отправлялись также къ двоимъ и отвѣтъ на нихъ давали отъ двоихъ. Въ 1490 году молодой великій князь Іоаннъ занемогъ ломотой въ ногахъ. Былъ тогда при дворѣ лекарь Леонъ, вывезенный изъ Италіи, по происхожденію іудей; ему было поручено леченіе молодого князя. Онъ началъ прикладывать къ ногамъ больного стеклянные сосуды, наполненные горячей водой и давалъ ему пить какую-то траву. Отъ этого леченія Іоанну только сдѣлалось хуже и онъ умеръ 32 лѣтъ отъ роду. Іоаннъ Васильевичъ немедленно приказалъ заключить неискуснаго врача въ темницу и черезъ шесть недѣль велѣлъ казнить его всенародно за Москвой рѣкой. Послѣ Іоанна Молодого остался мололѣтній сынъ его Димитрій; у Іоанна Васильевича былъ сынъ отъ Софіи, Василій, родившійся

въ 1479 году. Возникалъ вопросъ: кому изъ нихъ наслѣдовать великое княженіе? По преданію отцовъ, Іоаннъ долженъ былъ бы отдать преимущество Димитрію, но за Василія было то, что онъ происходилъ по матери отъ греческихъ императоровъ, а Софія была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Начались происки, дворъ раздѣлился на двѣ стороны. Бояре, ненавидѣвшіе Софію, поддерживали Елену, вдову Іоанна Молодого, и Димитрія; на сторонѣ Василія и его матери стояли болѣе мелкіе служилые люди. Сторонники Софіи стали пугать Василія, что отецъ его скоро возведетъ на великое княженіе внука, и отъ этого Василію придется современемъ плохо. Составился заговоръ; рѣшено было, что Василій убѣжитъ изъ Москвы; у великаго князя кромѣ Москвы сберегалась казна въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ: Василій захватитъ ее, а потомъ погубитъ Димитрія. Заговоръ этотъ неизвѣстно какимъ образомъ открылся въ декабрѣ 1497 года. Іоаннъ Васильевичъ разсвирѣпѣлъ, приказалъ взять подъ стражу сына, а всѣхъ главныхъ заговорщиковъ казнить. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софію, за то что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ; этихъ женщинъ обыскали и утопили ночью въ Москвѣ рѣкѣ, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены, опасаясь что она хочетъ отравить Димитрія. На зло Софіи и ея сыну 4 января 1498 года Іоаннъ Васильевичъ въ Успенскомъ соборѣ торжественно

вѣнчалъ на царство своего пятнадцатилѣтняго внука. Это было первое коронованіе на Руси. Предшественники Іоанна, великіе князья московскіе, просто садились на престолъ отцовъ и дѣдовъ. Іоаннъ нашелъ это недостаточнымъ и установилъ обычай вѣнчать преемника на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ, заимствованнымъ изъ Византіи. Въ Успенскомъ соборѣ были поставлены три стула—Іоанну, Димитрію и митрополиту, а на аналоѣ лежали знаки царскаго достоинства: вѣнецъ и бармы *). Послѣ молебна, отслуженнаго митрополитомъ съ епископами и архимандритами, и соотвѣтствующихъ молитвъ, Іоаннъ возложилъ на Димитрія бармы и вѣнецъ. Затѣмъ духовенство и всѣ присутствующіе поздравляли великаго князя Іоанна и его внука, а при выходѣ изъ собора, Димитрія осыпали золотыми и серебряными деньгами. Бояре торжествовали но торжество ихъ было непродолжительно. Прошелъ годъ послѣ вѣнчанія Димитрія и все измѣнилось. Іоаннъ Васильевичъ помирился съ женой и сыномъ, охладѣлъ къ Еленѣ и внуку, разгнѣвался на своихъ бояръ, противниковъ Софіи. Два, наиболѣе враждебныхъ Софіи и самыхъ знатныхъ боярскихъ рода, князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ жестоко поплатились за свои козни. Вѣроятно самолюбіе Іоанна было оскорблено тѣмъ, что Патрикѣевы и Ряполовскіе взяли большую силу,—онъ хотѣлъ показать и себѣ самому и

*) Бармы—широкое оплечье, надѣвавшееся московскими царями при ихъ коронованіи до Петра Великаго.

всѣмъ другимъ свою самодержавную власть, передъ которой всѣ безъ изъятія должны поклоняться, 5 февраля 1499 года князю Семену Ряполовскому отрубили голову за то, что онъ, по выраженію великаго князю, „высокоумничалъ“ съ Патрикѣевымъ. Патрикѣевы, которымъ митрополитъ выпросилъ жизнь, были пострижены въ монахи. Вѣнчанный Димитрій продолжалъ нѣкоторое время носитъ титулъ великаго князя, но находился съ матерью въ отдаленіи отъ дѣда. 11 апрѣля 1502 года Іоаннъ наложилъ на нихъ опалу, посадилъ ихъ подъ стражу и съ того дня не велѣлъ называть Димитрія великимъ княземъ, а 14 апрѣля Василій былъ объявленъ великимъ княземъ всея Руси. Запретили поминать Димитрія на ектеніяхъ. Черезъ два года Елена умерла въ тюрьмѣ. Несчастный сынъ ея долженъ былъ пережить мать и дѣда и изнывать въ тяжеломъ заключеніи, по волѣ преемника Іоаннова. Событіе съ Димитріемъ и Василіемъ было проявленіемъ самаго крайняго, не бывалаго еще на Руси, самовластія. Ничѣмъ не стѣснялся тотъ, кто былъ въ данное время государемъ; не существовало право наслѣдія; кого государь захочетъ — того и облечетъ властію, тому и передастъ свой санъ; вѣнчанный сегодня преемникъ, завтра томился въ тюрьмѣ, другой, сидѣвшій въ заключеніи, возводился въ санъ государя. Такъ совершилось при Іоаннѣ III установленіе самодержавія на Руси.

Мы разсматривали пока дѣятельность Іоанна III въ предѣлахъ Русской земли; теперь намъ слѣдуетъ перейти къ разсмотрѣнію его отношеній

къ восточнымъ народамъ, сосѣдямъ Россіи, и къ западнымъ государствамъ. Начнемъ съ востока, а именно съ отношеній Іоанна III къ татарамъ.

Въ половинѣ XV вѣка татары раздѣлились на три независимые царства или орды—Золотую, Казанскую и Крымскую. Основателемъ казанскаго царства былъ ханъ Улу-Махметъ; изгнанный изъ Золотой Орды своимъ братомъ, онъ удалился въ городъ Казань (въ 1437 году) и соединилъ подъ своей властью жившіе тутъ племена финскаго и татарскаго происхожденія. Благодаря выгодному торговому положенію на Волгѣ, Казань скоро усилилась и казанскіе татары стали дѣлать опустошительные набѣги на русскія области. Крымская Орда, расположившаяся въ Крыму и по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, стала независимой подъ управленіемъ хановъ изъ рода Гиреевъ. Мы разскажемъ сперва объ отношеніяхъ Іоанна къ Ордамъ Золотой и Крымской, затѣмъ къ Ордѣ Казанской, въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о сношеніяхъ московскаго правительства при Іоаннѣ III съ Турціей, Грузіей и другими восточными странами.

Къ 1481 году принято относить окончательное ниспроверженіе татарскаго ига, но на дѣлѣ князь московскій былъ уже до этого времени независимъ отъ Орды. Іоаннъ пересталъ платить хану Золотой Орды опредѣленную подать, или дань, а ограничивался одними дарами. Подобное поведеніе не могло не оскорблять хана, но онъ ничего не могъ подѣлать съ московскимъ государствомъ, потому что Золотая Орда ослабѣла отъ внутреннихъ междо-

усобій, а Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ союзникомъ Іоанна. Еще до заключенія союза Крыма съ Москвой, ханъ Золотой Орды Ахматъ пытался оружіемъ подчинить своей власти московскаго князя. Къ этому побуждалъ его Казиміръ литовскій. Въ 1471 году Казиміръ, увлекаемый новгородцами на борьбу съ московскимъ княземъ и не имѣя досуга и средствъ къ этой борьбѣ, хотѣлъ остановить Іоанна посредствомъ татаръ. Съ этой цѣлью онъ послалъ въ Золотую Орду къ хану Ахмату татарина Кирѣя, холопа Іоаннова, бѣжавшаго отъ своего господина въ Литву. Пріѣхавши въ орду, Кирѣй началъ говорить Ахмату отъ имени короля злыя рѣчи на князя московскаго, поднесъ богатые дары хану и всѣмъ вельможамъ его и билъ челомъ, чтобы Ахматъ шелъ на московскаго князя со своей Ордой, а король съ другой стороны пойдетъ на Москву со всею своею землею. Вельможи были за короля, но хану въ это время былъ недосугъ и онъ собрался итти на Москву только лѣтомъ 1472 года, когда Іоаннъ, окончивъ походъ новгородскій, могъ обратить всѣ свои силы противъ татаръ. Ханъ со своимъ войскомъ подошелъ къ городу Алексину на Окѣ и сталъ осаждать его. Узнавши объ этомъ, Іоаннъ велѣлъ братьямъ своимъ и воеводамъ итти съ войскомъ къ Окѣ и самъ немедленно поѣхалъ въ Коломну, а оттуда въ Ростиславль, куда велѣлъ слѣдовать за собой и сыну Іоанну. Алексинъ былъ очень плохо вооруженъ и укрѣпленъ, но граждане храбро оборонялись и побили много татаръ. Скоро однако нечѣмъ стало

обороняться; татары зажгли городъ и онъ сгорѣлъ съ людьми и съ добромъ ихъ, кто-же выбѣжалъ изъ огня, тотъ попался въ руки татарамъ. Русскіе, стоявшіе на другомъ берегу Оки, не могли помочь по глубинѣ рѣки въ этомъ мѣстѣ. Истребленіемъ Алексина впрочемъ и ограничились всѣ успѣхи Ахмата. Слыша о близости великаго князя и о силѣ русскаго войска, ханъ рѣшилъ повернуть обратно; по другимъ извѣстіямъ татары вынуждены были отступить вслѣдствіе заразительной болѣзни, открывшейся въ ихъ войскѣ. Послѣ этого обѣ враждующія стороны заключили между собой миръ.

Къ 1473 году относится сближеніе Іоанна съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, который вслѣдствіе жестокой наслѣдственной вражды былъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ Золотой Ордой и желалъ имѣть противъ нея сильнаго союзника. Для заключенія договора въ Москву былъ присланъ изъ Крыма чиновникъ Ази-Баба. Условія договора были слѣдующія: царю Менгли-Гирею и князьямъ его быть съ Іоанномъ въ братской дружбѣ и любви, противъ недруговъ стоять за одно, не воевать государства московскаго, разбойниковъ же и хищниковъ казнить, плѣнныхъ выдавать безъ выкупа, все насиліемъ отнятое отдавать сполна *) и съ обѣихъ сторонъ ѣздить посламъ свободно безъ платежа пошлинъ. Съ Ази-Бабой поѣхалъ въ Крымъ посолъ московскій бояринъ Никита Беклемишевъ. Какъ дорожилъ Іоаннъ союзомъ

---

*) Послѣднія условія направлены противъ хищническихъ набѣговъ татарскихъ князей.

Менгли-Гиреевымъ и какъ еще не отвыкли въ описываемое время отъ уваженія къ ханамъ видно изъ рѣчи, которую этотъ посолъ долженъ былъ сказать Менгли-Гирею: „Князь великій Иванъ челомъ бьетъ; посолъ твой Ази-Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ братствѣ, дружбѣ и любви держать, точно такъ, какъ ты съ королемъ Казиміромъ въ братствѣ, дружбѣ и любви. И я, слышавъ твое жалованіе и видѣвъ твой ярлыкъ *) послалъ къ тебѣ бить челомъ боярина своего Никиту, чтобы ты пожаловалъ, какъ началъ меня жаловать, такъ-бы и до конца жаловалъ". Но соблюдая такую учтивость въ рѣчахъ посольскихъ, Іоаннъ не хотѣлъ чтобы ханъ употреблялъ въ своихъ грамотахъ слишкомъ повелительный тонъ и наказывалъ Беклемишеву настаивать на томъ, чтобы въ ханской грамотѣ не было словъ: „Я Менгли-Гирей пожаловалъ"; кромѣ того боярину было поручено отказаться отъ поминковъ, то-есть даровъ хану, которыхъ вовсе не хотѣлъ давать бережливый Іоаннъ. Отъ „пожалованія" Беклемишеву не удалось отговориться, что-же касается до подарковъ, то хотя о нихъ не было говорено въ договорѣ, это не мѣшало Менгли-Гирею постоянно требовать ихъ. Вельможи Менгли-Гиреевы не отставали отъ своего хана, привязывались ко всякому случаю чтобы выманить подарки; такъ царевичъ Ямгурей присылалъ сказать Іоанну: „Я нынче женился и сына женилъ; такъ бы великій князь пожаловалъ, прислалъ шубу соболью да

---

*) Ярлыкъ значитъ по татарски грамота.

шубу горностаеву, да шубу рысью. Да великій князь пожаловалъ, прислалъ мнѣ третьяго года панцырь; я ходилъ на недруговъ и панцырь истерялъ; такъ великій князь пожаловалъ-бы, новый панцырь прислалъ". Менгли-Гирея, его царевичей и князей нѣсколько удерживало отъ слишкомъ назойливыхъ требованій то обстоятельство, что они имѣли нужду въ князѣ московскомъ; между царевичами происходили усобицы, одинъ изгонялъ другого; изгнанники находили убѣжище въ московскихъ владѣніяхъ. Въ 1475 году крымское царство постигло бѣдствіе: оно было завоевано турками; Іоаннъ звалъ къ себѣ Менгли-Гирея, но тотъ поладилъ съ султаномъ и остался ханомъ, въ качествѣ сподручника султанова. Но не успѣлъ Менгли-Гирей возстановить порядокъ въ Крыму послѣ турецкаго нашествія, какъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній ханомъ Золотой Орды Ахматомъ, который посадилъ на его мѣсто Зенебека. Ахматъ хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ для возобновленія борьбы съ Іоанномъ, вдобавокъ еще великій князь въ ту пору поссорился со своими братьями, но пока Ахматъ собирался обстоятельства перемѣнились: Менгли-Гирей прогналъ Зенебека, нашедшаго себѣ убѣжище въ Москвѣ, и снова овладѣлъ крымскимъ престоломъ, а Іоаннъ помирился съ братьями. Эти перемѣны впрочемъ не помѣшали Ахмату пойти войной на московскаго князя.

Причины, вызвавшія этотъ походъ, остались не вполнѣ выясненными. Существуютъ такія извѣстія: ханы, посылая своихъ пословъ въ Москву, от-

правляли съ ними свое изображеніе, такъ называемую „басму"; великіе князья должны были кланяться этому изображенію и выслушивать ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ. Іоаннъ Васильевичъ уклонялся отъ этого обряда, сказываясь больнымъ; наконецъ, когда Ахматъ послалъ потребовать дани, Іоаннъ изломалъ ханскую басму, растопталъ ее ногами и велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, которому сказалъ: „Ступай, объяви хану, что случилось съ его басмой и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ". Сказаніе это, совершенно противорѣчащее осторожности Іоанна, не имѣетъ достовѣрности и гораздо правдоподобнѣе, что Ахматъ былъ возбужденъ на московскаго государя Казиміромъ, какъ объясняютъ другія современныя извѣстія. Какъ бы то ни было, Ахматъ былъ недоволенъ Іоанномъ и въ 1480 году, согласившись дѣйствовать за одно съ Казиміромъ, пошелъ на Москву. Іоаннъ, услышавъ, что ханъ Золотой Орды идетъ изъ волжскихъ странъ степью къ берегамъ Оки, отправилъ внизъ по Волгѣ на судахъ рать подъ начальствомъ воеводы Ноздреватаго и служилаго крымскаго царевича Нардаулата, брата Менгли-Гирея, чтобы потревожить столицу Золотой Орды—Сарай, оставшійся безъ защиты. На Оку противъ Ахмата были посланы войска подъ начальствомъ старшаго сына великаго князя Іоанна Молодого и одного изъ братьевъ Іоанна Васильевича—Андрея. Самъ великій князь остался въ Москвѣ. Нашествіе Ахмата представляло единственный случай въ жизни Іоанна Васильевича, когда онъ могъ пока-

зать собою примѣръ неустрашимости, твердости и готовности жертвовать жизнію за отечество; мы сейчасъ увидимъ, какъ хорошо воспользовался онъ этимъ случаемъ. Шесть недѣль послѣ отправки войска на Оку Іоаннъ просидѣлъ въ Москвѣ, сильно труся, такъ какъ отъ природы онъ не былъ одаренъ храбростью. Между тѣмъ ханъ приблизился къ Дону. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ 23 іюля выѣхалъ къ войску въ Коломну. Въ Москвѣ сѣли въ осадѣ мать Іоанна инокиня [1]) Мароа, митрополитъ Георгій, ростовскій архіепископъ Вассіанъ, намѣстникъ великаго князя Иванъ Юріевичъ Патрикѣевъ и князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій; двумъ послѣднимъ Іоаннъ, уѣзжая, оставилъ въ управленіе городъ. Что же касается до великой княгини Софіи, то Іоаннъ послалъ ее вмѣстѣ съ казной на Бѣлоозеро, давши наказъ ѣхать далѣе къ морю, если ханъ перейдетъ Оку и Москва будетъ взята. Народъ съ неудовольствіемъ узналъ объ этомъ; онъ не терпѣлъ Софіи, называлъ ее римлянкой; тогда говорили, что отъ сопровождавшихъ ея людей, хуже было русскимъ людямъ, чѣмъ могло быть отъ татаръ. Напротивъ того, мать великаго князя за свою рѣшимость остаться въ осадѣ пріобрѣла общія похвалы отъ народа, который видѣлъ въ ней русскую женщину въ противоположность чужеземкѣ. Между тѣмъ, Ахматъ, видя что по Окѣ разставлены сильные полки, взялъ направленіе, къ западу, къ литовской землѣ,

---

*) Вдовствующія княгини обыкновенно постригались въ монахини.

чтобы проникнуть въ московскія владѣнія черезъ рѣку Угру, притокъ Оки, протекавшую по границѣ литовскаго государства; тогда Іоаннъ велѣлъ сыну и брату спѣшить туда; князья исполнили приказаніе и пришли къ Угрѣ раньше татаръ. Самъ же Іоаннъ Васильевичъ, сидя въ Коломнѣ, колебался, не зная что предпринять. Люди его окружавшіе были такіе же трусы, какъ и онъ самъ, они говорили ему: „не становись на бой, великій государь, лучше бѣги, такъ дѣлали прадѣдъ твой и дѣдъ“. Іоаннъ внялъ ихъ совѣтамъ, рѣшился послѣдовать примѣру прародителей и уѣхалъ обратно въ Москву, гдѣ встрѣтилъ народное волненіе. Толпы народа, въ ожиданіи татаръ, перебирались изо всѣхъ концовъ въ Кремль; каковы были ихъ ужасъ и удивленіе, когда они увидѣли въ столицѣ великаго князя, который, какъ всѣ думали, находился въ войскѣ. Народъ, и безъ того не любившій Іоанна, а только боявшійся его, вообразивъ, что все погибло и что татары идутъ по слѣдамъ великаго князя, далъ волю долго сдержаннымъ чувствамъ и завопилъ: „Ты, государь, княжишь надъ нами такъ, что пока тихо и спокойно, то обираешь насъ понапрасну, а какъ придетъ бѣда, такъ ты въ бѣдѣ покидаешь насъ. Самъ разгнѣвалъ царя, не платилъ ему выхода (то-есть дани), а теперь насъ всѣхъ выдаешь царю и татарамъ!“ Въ Кремлѣ встрѣтили Іоанна митрополитъ и Вассіанъ; этотъ послѣдній съ благородной смѣлостью сталъ укорять трусливаго князя. „Ты боишься смерти,—говорилъ онъ Іоанну,—но вѣдь ты не безсмертенъ! Ни человѣкъ, ни птица,

ни звѣрь не избѣгнутъ смертнаго приговора. Если боишься, то передай своихъ воиновъ мнѣ. Я хотя и старъ, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать противъ татаръ". Великій князь, опасаясь народнаго возстанія не захотѣлъ оставаться въ Москвѣ, а уѣхалъ въ Красное Село, куда звалъ къ себѣ сына, но Іоаннъ Молодой оказался храбрѣе отца и не уѣхалъ отъ войска. Тогда Іоаннъ Васильевичъ приказалъ князю Холмскому привести молодого человѣка силой, но Холмскій не рѣшился употребить насилія, когда сынъ великаго князя сказалъ ему: „Лучше здѣсь погибну чѣмъ поѣду къ отцу". Положеніе Іоанна Васильевича было весьма затруднительное: страшно было ему итти на татаръ, еще страшнѣе оставаться.

Великій князь изъ двухъ золъ выбралъ меньшее и уѣхалъ къ войску, въ сущности побуждаемый тою-же трусостью, которая заставила его покинуть войско. Между тѣмъ, ханъ Ахматъ шелъ медленно по окрайнѣ литовской земли и сталъ у Воротынска, ожидая себѣ помощи отъ Казиміра, но помощь не пришла къ нему: союзникъ Іоанна Васильевича Менгли-Гирей напалъ на подольскую землю и тѣмъ отвлекъ литовскія силы. Іоаннъ въ это время пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу рѣки Лужи, и далъ знать своимъ воеводамъ, что будетъ оттуда управлять ихъ движеніями.

Здѣсь на него опять напала трусость и онъ отправилъ къ Ахмату посломъ боярина Товаркова съ дарами и мирными предложеніями. Ханъ отвѣчалъ: „Жалую Ивана, пусть самъ пріѣдетъ бить челомъ,

какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ Орду". Но Іоаннъ не поѣхалъ. Слыша, что великій князь самъ ѣхать не хочетъ, Ахматъ послалъ сказать ему: „Если не пріѣдешь самъ, то пришли сына или брата". Не получивши отвѣта, Ахматъ послалъ еще разъ: „Сына и брата не пришлешь, такъ пришли Никифора Босенкова". Босенковъ этотъ былъ уже разъ въ Ордѣ и много даровъ давалъ отъ себя татарамъ, за что и любилъ его ханъ и всѣ князья. Но Іоаннъ не послалъ и Босенкова; говорятъ, къ этому рѣшенію побудило его посланіе Вассіана; пастырь ободрялъ Іоанна Васильевича примѣрами изъ священнаго писанія и изъ русской исторіи, убѣждалъ не поддаваться коварнымъ совѣтамъ трусовъ, которые покроютъ его срамомъ. Ахматъ, не пускаемый за Угру полками московскими, все лѣто хвалился: „Дастъ Богъ зиму на васъ; когда всѣ рѣки станутъ, то много дорогъ будетъ на Русь". Опасаясь исполненія этой угрозы, Іоаннъ, какъ только стала Угра, 26 октября, велѣлъ сыну, брату и воеводамъ со всѣми полками отступить къ себѣ на Кременецъ, чтобы биться соединенными силами. Этотъ приказъ нагналъ ужасъ на ратныхъ людей, которые бросились бѣжать къ Кременцу, думая что татары перешли уже черезъ рѣку и гонятся за ними; но Іоаннъ не довольствовался отступленіемъ къ Кременцу: онъ далъ приказъ отступить еще отъ Кременца къ городу Боровску, обѣщая дать битву татарамъ въ окрестностяхъ этого города. Ахматъ однако-жъ не думалъ пользоваться отступленіемъ русскихъ войскъ: простоявши на Угрѣ до 11-го ноября, онъ пошелъ

обратно черезъ литовскія земли и съ досады разорялъ ихъ за то, что Казиміръ не помогъ ему. Причинъ отступленія татаръ отъ Угры называютъ нѣсколько: въ это время наступили морозы, а татары, по выраженію современниковъ, были босы и ободраны, Казиміръ не приходилъ на помощь, русскія войска были многочисленны и повидимому не боялись татаръ, такъ какъ Іоаннъ не хотѣлъ смириться передъ ханомъ, наконецъ, посланный внизъ по Волгѣ отрядъ подъ начальствомъ Ноздреватаго и Нордаулата напалъ на Сарай, разграбилъ его, и до Ахмата, быть можетъ, дошли объ этомъ слухи. Какъ-бы то ни было, татары, никѣмъ не гонимые, отступили, а Іоаннъ съ торжествомъ вернулся въ Москву, какъ будто-бы одержалъ побѣду; москвичи радовались, что избавились отъ опасности, но никто не хвалилъ великаго князя, а всѣ говорили: „Не человѣкъ спасъ насъ, не оружіемъ избавили мы русскую землю, а Богъ и Пречистая Богородица". Такимъ образомъ въ единственномъ случаѣ, когда онъ могъ выказать себя доблестнымъ человѣкомъ, Іоаннъ явился трусомъ и себялюбцемъ. Узнавъ о прекращеніи опасности, въ Москву вернулась и Софія съ толпой приближенныхъ людей, которые, сопровождая княгиню въ ея бѣгствѣ, пользовались случаемъ и безнаказанно грабили русскихъ людей. Къ большой радости москвичей скоро пришла вѣсть, что на обратномъ пути Ахматъ былъ убитъ однимъ татарскимъ княземъ (6 января 1481 года). Іоаннъ щедро одарилъ убійцу. Такъ кончилось тяжелое татарское иго. Менгли-Гирей въ союзѣ съ московскими

войсками долго еще продолжалъ воевать послѣ того съ сыновьями Ахмата, и, наконецъ, совершенно уничтожилъ Золотую Орду.

Отъ отношеній Іоанна къ Ордамъ Золотой и Крымской, перейдемъ къ его отношеніямъ къ Ордѣ Казанской. Это еще недавно основанное царство уже успѣло весьма грозно заявить себя въ княженіе Іоаннова предшественника. Основатель Казанскаго царства Улу-Махметъ въ 1445 году, мстя великому князю Василію Васильевичу за то, что онъ не оказалъ ему помощи противъ Золотой Орды, приходилъ на Русь и въ битвѣ взялъ въ плѣнъ великаго князя, который освободился, только заплативъ огромный выкупъ. При Іоаннѣ III казанскіе татары продолжали своими набѣгами безпокоить Русь. Іоаннъ Васильевичъ велъ съ ними борьбу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ перемѣнной удачей, пока въ 1470 году ханъ казанскій Ибрагимъ не заключилъ мира съ Москвой, освободивши всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, какіе находились въ неволѣ за протекшіе года. Затѣмъ втеченіе 8-ми лѣтъ о казанскихъ татарахъ ничего не было слышно. Въ 1478 году Ибрагимъ, заслышавъ откуда-то, что великій князь потерпѣлъ неудачу въ борьбѣ съ Новгородомъ, приходилъ на Русь, но походъ этотъ былъ для него неудаченъ и при слѣдующемъ справедливомъ извѣстіи, что великій князь покорилъ Новгородъ, татары ушли обратно. За это нарушеніе мира московскіе воеводы опустошили казанскія владѣнія. При преемникахъ Ибрагима внутреннія смуты, возникшія въ Казани, дали московскому князю возможность утвердить

здѣсь свое вліяніе. Послѣ Ибрагима остались два сына: старшій Алегамъ и младшій Махметъ-Аминь. Алегамъ занялъ отцовскій престолъ, но вельможи, недовольные имъ и хотѣвшіе возвести на престолъ Махметъ-Аминя, обратились къ московскому великому князю. Въ 1487 году русскіе взяли Казань и посадили тамъ Махметъ-Аминя. Это подчиненіе Казани сопровождалось со стороны московскаго государя жестокостями: онъ приказалъ передушить князей казанскихъ, державшихся Алегама; самого плѣннаго Алегама съ женою заточилъ въ Вологдѣ, а мать его и сестеръ сослалъ на Бѣлоозеро. Смуты въ Казани и послѣ того не прекращались. Въ 1505 году Махметъ-Аминь, уже разъ свергнутый и опять занявшій ханскій престолъ, недовольный великимъ княземъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ русскихъ въ Казани и пошелъ на Нижній-Новгородъ, но не могъ взять его и вернулся обратно. На этомъ и прекращается борьба Казани съ Москвой въ княженіе Іоанна Васильевича.

Въ заключеніе нашего обзора отношеній Москвы съ востокомъ въ княженіе Іоанна III скажемъ вкратцѣ о возникшихъ тогда сношеніяхъ московскаго государства съ Турціей и Грузіей, составлявшихъ тогда отдѣльныя государства, и другими восточными странами. Сношенія съ Турціей начались въ 1492 году, по слѣдующему поводу: русскіе купцы издавна ѣздили торговать на берега Чернаго моря, гдѣ находились поселенія итальянскихъ купцовъ; затѣмъ эти мѣста были завоеваны турками и русскихъ стали тамъ притѣснять. И вотъ въ 1492 году Іоаннъ III обращается къ сул-

тану Баязету съ просьбой о покровительствѣ русскимъ торговцамъ. То было началомъ сношеній; черезъ нѣсколько лѣтъ, при посредствѣ Менгли-Гирея, начались взаимныя посольства. Въ 1497 г. Іоаннъ посылалъ къ Баязету посломъ своимъ Плещеева, которому данъ былъ наказъ кланяться султану и сыну его, стоя, а не на колѣняхъ, не уступать мѣсто никакому другому послу и сказать посольскія рѣчи только султану, а не вельможамъ. Плещеевъ, на основаніи этого наказа, не захотѣлъ имѣть съ вельможами никакого дѣла, не поѣхалъ къ нимъ обѣдать, не взялъ ихъ подарковъ. Султанъ, пораженный такой грубостью, въ письмѣ къ Менгли-Гирею, жаловался на московскаго посла, какъ на невѣжду, но въ то же время отвѣчалъ Іоанну очень дружелюбно и обѣщалъ покровительство московскимъ купцамъ. О сношеніяхъ Іоанна съ Грузіей мы имѣемъ самыя краткія извѣстія, а именно въ 1492 году московскій государь получилъ отъ царя Грузіи, Александра, письмо, въ которомъ этотъ послѣдній, разсыпаясь на восточный ладъ въ самыхъ изысканныхъ похвалахъ величію Іоанна, просилъ у него покровительства и называлъ себя его холопомъ. Существуютъ еще извѣстія о сношеніяхъ московскаго государства при Іоаннѣ съ азіатскими государствами Хивой, Бухарой и Персіей. Царь Хивы и Бухары въ 1490 году заключилъ съ московскимъ государемъ дружественный союзъ. О посольствѣ въ Персію мы имѣемъ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, цѣль и подробности его неизвѣстны. Всѣ эти сношенія пока не имѣли важныхъ послѣдствій, но они за-

мѣчательны, какъ первыя въ своемъ родѣ въ исторіи возникшаго московскаго государства.

Гораздо важнѣе были сношенія съ Литвой. Въ царствованіе Казиміра между Литвой и Русью не было открытой вражды, хотя польскій король всячески старался косвенно черезъ хана Золотой Орды вредить своему могущественному сосѣду. Но уже подъ конецъ жизни Казиміра отношенія между обоими государствами очень обострились. Причины къ этому были слѣдующія: мелкіе удѣльные князья черниговской земли, подданные Литвы, недовольные Казиміромъ, перешли на службу къ Іоанну; сдѣлавшись подданными этого послѣдняго, они нападали на владѣнія своихъ родичей, остававшихся подъ властью Казиміра. Тѣ отвѣчали имъ тѣмъ же. Кромѣ этихъ пограничныхъ столкновеній были еще и другія: въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ московскаго государства, такъ и литовскаго развелось такое множество разбойниковъ, что купцамъ не было проѣзда, а въ то время вся торговля московскаго государства съ югомъ шла черезъ литовскія владѣнія, такъ какъ прямой путь изъ Москвы къ Азовскому морю былъ совершенно непроходимъ. Москвичи жаловались на литовскихъ разбойниковъ, литовскіе подданные на московскихъ. Эти взаимныя жалобы въ 1492 году привели, наконецъ, къ войнѣ. Казиміра въ это время уже не было въ живыхъ. Владѣнія его раздѣлились между его сыновьями: Альбрехтъ сдѣлался королемъ польскимъ, Александръ — великимъ княземъ литовскимъ. Іоаннъ, расчитывая, что черезъ такое раздѣленіе держава Казиміра ослабѣла, по-

слалъ на Литву своихъ воеводъ и направилъ на нее своего союзника Менгли-Гирея. Дѣла для Іоанна пошли удачно. Московскіе воеводы взяли нѣсколько литовскихъ городовъ. Тогда великій князь Александръ, сообразивъ, что ему не управиться съ двумя врагами заразъ, рѣшилъ заключить крѣпкій миръ съ Іоанномъ и для того жениться на его дочери Еленѣ. Начались переговоры о сватовствѣ, но до 1494 года они шли вяло, потому что Іоаннъ не хотѣлъ выдавать дочь до заключенія выгоднаго мира съ Литвой. Въ январѣ 1494 года этотъ миръ былъ заключенъ; по нему Литва уступала Москвѣ всѣ волости перешедшихъ къ московскому государю князей. Послѣ того Іоаннъ согласился выдать дочь за Александра, но съ тѣмъ, чтобы Елена не принимала вѣры мужа (Александръ былъ католикъ), а оставалась православной. Въ январѣ 1495 года Елена поѣхала въ сопровожденіи литовскихъ пословъ къ Александру и обвѣнчалась съ нимъ. Въ послѣдующихъ отношеніяхъ Іоанна къ дочери и зятю особенно ярко выразился его двуличный и жестокій нравъ.

Іоаннъ, выдавая дочь замужъ, ни мало не заботился объ ея счастіи, а руководствовался однѣми корыстными цѣлями. Черезъ бракъ Елены съ Александромъ московскій государь надѣялся наложить свою руку на Литву и отнять у нея земли, принадлежавшія раньше русскимъ. Дружба съ Александромъ вовсе не входила въ расчетъ Іоанна: онъ постоянно придирался къ князю, желая вызвать его на ссору и черезъ это поживиться насчетъ Литвы. Но свои корыстныя цѣли двуличный

князь старался прикрывать благовидными предлогами. Такъ Іоаннъ требовалъ, чтобы Александръ построилъ для жены особую православную церковь, чтобы дозволилъ Еленѣ держать при себѣ московскаго священника и московскую прислугу: Іоаннъ расчитывалъ имѣть въ этихъ послѣднихъ соглядатаевъ при дворѣ зятя. Александръ не согласился ни на то, ни на другое. Постройка отдѣльной церкви для Елены возбудила бы всеобщее негодованіе среди католическихъ подданныхъ Александра, которые и безъ того были недовольны, что ихъ государь женился на православной. Елена ходила въ православную церковь, находившуюся въ столицѣ Литвы Вильнѣ, и въ особой церкви не нуждалась, ровно какъ и въ московскихъ людяхъ. Александръ любилъ жену и хорошо обращался съ ней. Умная и добрая молодая княгиня старалась въ письмахъ доказать это отцу, но ничто не могло убѣдить Іоанна, потому что онъ вовсе не хотѣлъ убѣждаться и ему выгодно было выставлять дочь какъ ревностную православную, угнетенную мужемъ-католикомъ, за которую отцу слѣдуетъ заступиться. Не довольствуясь придирками по поводу Елены, Іоаннъ требовалъ отъ зятя, чтобы тотъ давалъ ему титулъ „государя всея Руси". Александръ весьма естественно не соглашался на это, такъ какъ самъ владѣлъ многими областями русской земли, а Іоаннъ, ссылаясь на титулъ, могъ потребовать ихъ обратно. Однако до 1500 года великій князь московскій не вступалъ въ открытую вражду съ зятемъ, что впрочемъ не мѣшало Іоанну давать своимъ по-

сламъ, отправляемымъ въ Крымъ, наказъ передать Менгли-Гирею, чтобы онъ изъ-за дружбы съ тестемъ Александра не стѣснялся нападать на литовскую землю, потому что у московскаго государя нѣтъ прочнаго мира съ литовскимъ и московскій государь хочетъ отнять у литовскаго всю свою отчину (какъ видно, съ крымскимъ ханомъ Іоаннъ былъ откровеннѣе, чѣмъ съ зятемъ). Наконецъ, въ 1500 году московскій государь объявилъ зятю войну. Предлогомъ выставлялось гоненіе православной вѣры, потому что Александръ дозволялъ католическому духовенству совращать въ свою вѣру православныхъ подданныхъ Литвы и хотѣлъ посадить кіевскимъ митрополитомъ приверженца католической церкви.

Дѣйствія московскихъ войскъ въ этой войнѣ были очень удачны. Московскій воевода князь Даніилъ Щеня 14 іюля 1500 года разбилъ на голову литовское войско и взялъ въ плѣнъ гетмана (главнаго предводителя) князя Острожскаго. Владѣнія Александра были страшно разорены. Въ слѣдующемъ году Александръ за смертью брата своего Альбрехта сдѣлался польскимъ королемъ, но это нисколько не помогло ему. Всего печальнѣе во всемъ этомъ дѣлѣ было положеніе дочери Іоанна: бѣдную княгиню, не смотря на ея кротость и доброту, очень не любили въ Литвѣ, въ ней видѣли причину всѣхъ несчастій страны и подозрѣвали въ сношеніяхъ съ отцомъ, вредныхъ для Литвы. До насъ дошли письма Елены къ отцу, матери, княгинѣ Софіи, и братьямъ Василію и Юрію. Въ письмѣ къ отцу въ трогательныхъ, пол-

ныхъ почтенія выраженіяхъ его „служебница и дѣвка“, какъ называетъ себя бѣдная княгиня, описываетъ свое несчастное положеніе и кротко укоряетъ Іоанна за его вражду къ зятю и нелюбовь къ дочери. „Мило отцу дитя“, пишетъ Елена „какой отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю и вижу по міру, что всякій не жалуется дѣтками своими, только одну меня по моимъ грѣхамъ Богъ забылъ. Слуги наши черезъ силу свою, трудно повѣрить какую, казну даютъ за дочерьми своими, и не только даютъ, но потомъ каждый мѣсяцъ навѣщаютъ и посылаютъ, и дарятъ, и тѣшатъ, и не одни паны, всѣ простые люди дѣтокъ своихъ утѣшаютъ; только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованіе“. Елена въ письмѣ слезно просила Іоанна помириться съ Александромъ, но жестокій отецъ не внялъ ея мольбамъ. За литовскаго князя просили также папа Александръ VI и король венгерскій Владиславъ, братъ Александра. Польскіе послы отъ имени Александра предлагали заключить вѣчный міръ. Іоаннъ отказалъ. Было заключено только перемиріе на шесть лѣтъ. „Если же хотите вѣчнаго міра“, сказалъ московскій государь посламъ, „то отдайте Смоленскъ и Кіевъ“. Александръ, конечно, не согласился. Смерть Іоанна, послѣдовавшая скоро послѣ того, остановила его властолюбивыя стремленія къ пріобрѣтенію литовскихъ земель.

Кромѣ Литвы московское государство при Іоаннѣ III вступало въ сношенія и съ другими западными государствами. Въ этомъ отношеніи княженіе Іоанна III представляетъ нѣкоторый ин-

тересъ, такъ какъ во время татарскаго ига Русь прекратила сношенія съ Западной Европой, существовавшія до тѣхъ поръ; одинъ Новгородъ, благодаря своей торговлѣ, представлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Отчужденіе отъ Западной Европы и ея образованности имѣло очень печальныя послѣдствія для русскихъ людей: кромѣ того, что они сильно отстали отъ западныхъ европейцевъ въ наукахъ, искусствѣ и ремеслахъ, у нихъ развилось очень вредное презрѣніе ко всему чужому и не менѣе вредное пристрастіе ко всему своему. Все чужое, начиная съ вѣры и кончая какими нибудь мелочами вродѣ одежды, казалось имъ презрѣннымъ и грѣховнымъ, все свое, хотя-бы нехорошее и глупое, казалось священнымъ; перемѣнить что нибудь въ своей жизни по примѣру Запада считалось чуть-ли не преступленіемъ. Іоаннъ III не менѣе своихъ подданныхъ былъ преданъ обычаямъ старины, но онъ, какъ человѣкъ безспорно умный, понималъ пользу заимствованія знаній у Запада и не чуждался сношеній съ европейскими государствами. Въ этомъ, несомнѣнно, есть нѣкоторая заслуга, мы говоримъ нѣкоторая, потому что сношенія съ Западной Европой и заимствованія съ Запада при Іоаннѣ III были такъ поверхностны и такъ мало внесли перемѣнъ въ русскую жизнь, что пользы отъ нихъ было немного. Все-таки, какъ первый шагъ, они представляютъ извѣстный интересъ.

Пути къ сношеніямъ московской Руси съ Западной Европой открылъ второй бракъ Іоанна. Черезъ этотъ бракъ Москва вступила въ сношенія

съ Римомъ, не приведшія, какъ мы видѣли, ни къ чему важному. Бракъ Іоанна съ Софіей послужилъ косвеннымъ образомъ и къ заведенію сношеній Россіи съ Венеціей, богатымъ итальянскимъ городомъ, представлявшимъ изъ себя свободное, самостоятельное государство - республику. Вотъ какъ начались эти сношенія: въ 1472 году московскій посолъ Иванъ Фрязинъ, ведшій переговоры съ папой относительно брака Іоанна на Софіи Палеологъ, на возвратномъ пути изъ Рима заѣхалъ въ Венецію, назвался тамъ большимъ посломъ великаго князя Московскаго и былъ принятъ съ честью венеціанскимъ правителемъ (дожемъ). Венеція въ это время вела войну съ турками, противъ которыхъ ей хотѣлось возбудить татаръ; но не знали, какимъ путемъ отправить посла въ Золотую Орду. Пріѣздъ московскаго посла разрѣшилъ это недоумѣніе, и вотъ дожъ осыпалъ Фрязина почестями, дарами съ тѣмъ, чтобы тотъ взялъ съ собою въ Москву венеціанскаго посла и доставилъ ему средства проѣхать безопасно къ хану. Фрязинъ согласился, взялъ съ собой венеціанскаго посла, именемъ Тревизана, но почему-то, по пріѣздѣ въ Москву, счелъ за лучшее скрыть отъ великаго князя званіе и цѣль пріѣзда посла, а выдалъ Тревизана за купца, своего родственника. Онъ отправилъ его частнымъ образомъ въ дальнѣйшій путь. Когда Фрязинъ уѣхалъ вторично въ Римъ, дѣло это какимъ-то образомъ открылось. Іоаннъ, подозрѣвая, что тутъ кроется что-то дурное, велѣлъ вернуть съ пути Тревизана и посадить его въ тюрьму. Фрязина, по его возвращенію

въ Москву, постигла та же участь. Московскій князь послалъ въ Венецію брата Иванова, Антона Фрязина, сказать дожу: „зачѣмъ это ты такъ сдѣлалъ, съ меня честь снялъ? Тайно черезъ мою землю шлешь посла, мнѣ не сказавши“. Дожъ отправилъ Антона назадъ съ извиненіями и съ убѣдительной просьбой отпустить назадъ задержаннаго Тревизана. Іоаннъ Васильевичъ положилъ гнѣвъ на милость и не только отпустилъ венеціанскаго посла къ хану, но еще придалъ ему и своего собственнаго посла. Посольство это не имѣло успѣха. Отправляя въ Орду Тревизана, Іоаннъ далъ ему семьдесятъ рублей, а самъ между тѣмъ послалъ въ Италію Семена Талбузина требовать съ венеціанской республики семьсотъ рублей, которые онъ будто бы далъ ея послу. Этотъ Талбузинъ былъ первымъ московскимъ посломъ русскаго происхожденія на Западѣ. Ему, кромѣ взысканія семьсотъ рублей, было поручено привезти изъ Италіи мастера, который могъ бы строить церкви. Талбузинъ привезъ извѣстнаго на родинѣ мастера Аристотеля Фіоравенти, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Съ тою же цѣлью, вызова мастеровъ, были отправляемы и послѣ посольства въ Венецію въ 1493 и 1499 годахъ.

При Іоаннѣ III начались также сношенія Руси съ Нѣмецкой имперіей. До 1486 года московское государство было совершенно неизвѣстно этой послѣдней. Въ 1486 году въ Москву пріѣхалъ знатный нѣмецкій господинъ, по имени Поппель, посѣщавшій изъ любопытства отдаленныя страны и имѣвшій свидѣтельство отъ императора Фрид-

риха III. Русскіе, всегда подозрѣвавшіе иностранцевъ въ чемъ-нибудь дурномъ, этому свидѣтельству не повѣрили и выпроводили Поппеля отъ себя. Послѣдній, вернувшись домой, много разсказывалъ о московскомъ государствѣ и слѣдствіемъ этихъ разсказовъ было то, что въ 1489 году императоръ Фридрихъ прислалъ того же Поппеля въ Москву, въ качествѣ своего посла. Поппель облекалъ свое посольство таинственностью и желалъ непремѣнно видѣть великаго князя наединѣ, но Іоаннъ не согласился и принялъ Поппеля въ присутствіи своихъ бояръ. Посолъ предлагалъ отъ имени императора дружбу и родственнный союзъ—отдать дочь московскаго государя за императорскаго племянника. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что хочетъ съ императоромъ любви и дружбы и посылаетъ къ нему своего человѣка. Поппель продолжалъ настаивать на сватовствѣ и просилъ показать дочь Іоанна. На это послѣдовалъ отвѣтъ: „у насъ въ землѣ нѣтъ обычая, чтобы прежде дѣла показывать дочерей“. Тогда посолъ опять сталъ просить, чтобы ему позволено было говорить съ великимъ княземъ наединѣ; Іоаннъ принялъ его въ другой горницѣ, отошедши немного отъ бояръ, и Поппель говорилъ ему: „Просимъ твою милость, чтобы никто не зналъ о томъ, что я буду говорить; если непріятели твои ляхи (то - есть поляки) и другіе узнаютъ, то будетъ мнѣ дурно, придется и головой поплатиться. Мы слышали, что ты, государь, требовалъ себѣ отъ папы королевскаго титула, но знай, что не папа, а только императоръ жалуетъ въ короли, въ принцы и въ рыцари.

Если желаешь быть королемъ, то я буду хлопотать чтобы твое желаніе исполнилось; только, ради Бога, просимъ твою милость, чтобы ты ни одному человѣку объ этомъ не объявлялъ. Если король объ этомъ узнаетъ, то днемъ и ночью будетъ посылать къ царю съ дарами, чтобы помѣшать дѣлу. Ляхи сильно боятся, что когда ты будешь королемъ, то вся русская земля, которая теперь подъ королемъ польскимъ, отступитъ отъ него и подчинится тебѣ". На самомъ дѣлѣ Іоаннъ, вовсе и не думалъ просить королевскаго титула; Поппель все это выдумалъ, расчитывая на простоту московскаго государя и желая вкрасться въ его довѣріе. Но онъ попалъ не на простака. Іоаннъ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ, что онъ благодаритъ императорскаго посла за готовность служить ему, а титуломъ своимъ, какой у него есть, доволенъ: онъ получилъ его отъ Бога и ни отъ какой другой власти получать не желаетъ. Дальнѣйшіе переговоры о сватовствѣ то же ни къ чему не привели. Въ 1489 году Іоаннъ послалъ къ императору грека Юрія Трахоніота, пріѣхавшаго съ Софіей, и съ нимъ двухъ русскихъ. Однихъ русскихъ пословъ избѣгали посылать по причинѣ ихъ грубости и неумѣнія себя держать. Съ Трахоніотомъ отправили къ императору подарки, но неважные, потому что Іоаннъ будучи очень скупымъ, любилъ брать, а давать не любилъ. Трахоніоту было поручено объяснить императору, что дочь московскаго государя слишкомъ важная особа для императорскаго племянника, но если императоръ захочетъ женнить а ней

своего сына Максимиліана, то въ этомъ московскій государь не откажетъ. Посольство Трахоніота имѣло еще и другую цѣль. Ему было поручено отыскать въ чужихъ земляхъ полезныхъ мастеровъ: архитекторовъ, горныхъ мастеровъ и другихъ. Когда Трахоніотъ вернулся, то привезъ съ собой не только мастеровъ, но еще врача и даже „органнаго игреца", то-есть музыканта. Съ Трахоніотомъ пріѣхалъ императорскій посолъ Юрій Делаторъ съ предложеніемъ дружбы и сватовства сына императора на дочери Іоанна, но изъ послѣдняго дѣла ничего не вышло, благодаря скупости московскаго князя, не хотѣвшаго объявить сколько онъ даетъ за дочерью приданнаго, и требованью предъявленному имъ, чтобы у его дочери была православная церковь и священники. На послѣднее Делаторъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ на это наказа. Тогда былъ заключенъ между Максимиліаномъ и московскимъ государемъ дружественный союзъ направленный противъ Литвы и Польши. Посольство Делатора повело къ важнѣйшимъ сношеніямъ. Трахоніотъ еще два раза ѣздилъ въ Германію, а Делаторъ еще разъ пріѣзжалъ въ Москву по слѣдующему поводу: Максимиліанъ обручился съ принцессой Анной Бретонской и Делаторъ пріѣзжалъ насчетъ этого объяснится. Вотъ что онъ разсказалъ: „какъ пошли мы впервые съ Трахоніотомъ изъ Любека*), то шло насъ двадцать четыре корабля вмѣстѣ; изъ этихъ кораблей пятнадцать утонуло;

*) Нѣмецкій городъ, изъ котораго посольство выѣхало въ Балтійское море.

нашъ корабль носился шесть недѣль безвѣстно, каждый часъ ждали мы смерти. Въ Любекъ пришла вѣсть, что корабль нашъ потонулъ и объ этомъ дали знать Максимиліану, который былъ въ большомъ раздумьѣ: рѣчь о сватовствѣ отъ него сюда не дошла, послать въ другой, третій разъ—путь далекій и опасный; да хотя-бы рѣчь и дошла, то неизвѣстно захочетъ-ли великій князь дѣло дѣлать, или не захочетъ, а время все идетъ, да идетъ. Послѣ этого пришла рѣчь отъ княгини Бретонской о сватовствѣ и князья нѣмецкіе, подумавъ, сказали Максимиліану: дѣло русское миновало, а вотъ дѣло Бретонской княгини передъ тобой: она посылаетъ къ тебѣ съ большой любовью о сватовствѣ; это нельзя тебѣ упустить; на томъ и порѣшили. Послѣ, когда Максимиліанъ узналъ, что всѣ мы живы и здоровы, то сильно тужилъ, и теперь молитъ великаго князя, чтобы онъ на него не сердился“. Эта хитро сплетеная повѣсть удовлетворила Іоанново самолюбіе, но всетаки онъ очень сожалѣлъ о случившемся и черезъ Трахоніота посылалъ узнать не разстроится-ли какъ нибудь сватовство Максимиліана съ Бретонской принцессой, чтобы снова начать переговоры о своей дочери; но Максимиліанъ женился на Аннѣ и съ 1493 года сношенія съ Нѣмецкой имперіей прекратились надолго. Только въ 1504 году явился въ Москву человѣкъ Максимиліановъ Гартингеръ съ двумя грамотами: въ одной Максимиліанъ писалъ, что если Іоаннъ нуждается въ его помощи или совѣтѣ, то пусть объявитъ ему, но цѣль посылки была высказана въ другой грамотѣ:

Максимиліанъ просилъ прислать ему нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ. Іоаннъ послалъ и на этомъ сношенія между двумя государствами въ описываемое нами княженіе прекратились.

Кромѣ Рима, Венеціи и Нѣмецкой имперіи Россія изъ другихъ западно-европейскихъ государствъ вступила въ сношенія еще съ Даніей и въ союзѣ съ ней воевала со Швеціей, но сношенія эти не представляютъ интереса.

27 октября 1505 года Іоаннъ III скончался на 67 году отъ рожденія, на 44 княженія, переживъ супругу свою Софію только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами (Софія умерла 7 апрѣля 1503 года). Тѣло его было погребено въ каменной церкви Михаила Архангела, которую онъ въ послѣдніе годы своего княженія поставилъ на мѣсто прежней. Незадолго до смерти Іоаннъ женилъ старшаго сына своего Василія. Сначала молодому князю искали невѣсту на Западѣ, но такъ какъ изъ этого ничего не вышло, то пришлось выбрать ему жену изъ русскихъ дѣвицъ. По обычаю византійскому, въ первый разъ введенному па Руси, ко двору было приведено 1,500 дѣвицъ, изъ которыхъ и была выбрана жена Василію, дочь незнатнаго служилаго человѣка, Соломонида Сабурова. Послѣ Іоанна, кромѣ Василія, осталось еще четыре сына, но въ завѣщаніи великаго князя старшему сыну были даны такія преимущества, которыя дѣлали его единодержавнымъ государемъ. Василій получилъ 66 самыхъ богатыхъ городовъ, а остальныя братья, всѣ вмѣстѣ, тридцать городовъ. Младшіе братья обязались присягой во всемъ

повиноваться старшему, не могли чеканить монету, не имѣли правъ въ своихъ удѣлахъ судить уголовныхъ дѣлъ и не могли сноситься съ иностранными государями. Если одинъ изъ младшихъ братьевъ умретъ и не оставитъ сына или внука, то весь его удѣлъ долженъ перейти къ старшему брату. Въ случаѣ же смерти Василія младшіе князья обязались подчиняться его сыну, а своему племяннику.

Мы разсмотрѣли княженіе Іоанна главнымъ образомъ со стороны внѣшнихъ событій, но нашъ обзоръ былъ бы не полонъ, и мы не могли бы составить себѣ окончательнаго сужденія объ этомъ княженіи, если бы не остановились, хотя немного, на внутреннемъ состояніи русскаго общества при Іоаннѣ III. Княженіе Іоанна съ внѣшней стороны представляется счастливымъ, пожалуй, даже блестящимъ. Далеко не такимъ представится оно намъ, если мы заглянемъ вглубь русскаго государства. Это было государство бѣдное, грубое, невѣжественное; время Іоанна было не расцвѣтомъ для Россіи, а временемъ глубокаго нравственнаго упадка, когда утвердилось всеобщее порабощеніе, обезличеніе и самоуниженіе русскихъ людей. Конечно, причины такого печальнаго состоянія русской земли лежали не въ одномъ княженіи Іоанна, но послѣдній не сдѣлалъ ничего для улучшенія такого положенія вещей и сдѣлалъ многое для ухудшенія.

Разоренное татарскимъ игомъ, обнищалое русское государство не могло сдѣлаться богатымъ и цвѣтущимъ въ княженіе Іоанна. Правда, самъ

Іоаннъ получилъ отъ отца богатую казну и всѣми правдами и неправдами успѣлъ очень много увеличить ее. Но богатство государства измѣряется не достаткомъ государя, а достаткомъ его подданныхъ, положеніе же народа въ княженіе Іоанна въ имущественномъ отношеніи было самое плачевное. Не были богаты и удѣльные князья: въ то время, какъ казна московскаго князя увеличивалась, ихъ казна не пополнялась и всѣ они, умирая, оставляли послѣ себя долги, что видно изъ дошедшихъ до насъ духовныхъ. Обстановка жизни удѣльныхъ князей была самая простая: они жили очень небогато въ деревянныхъ домахъ, немного у нихъ было дорогихъ вещей и потому въ своихъ завѣщаніяхъ они тщательно обозначали эти вещи какъ-то: цѣпи, кубки, шубы, образа и т. д. Податное населеніе при Іоаннѣ было чрезмѣрно отягчено налогами, которые, обогащая великокняжескую казну, вызывали обнищаніе народа.

Благосостоянію государства способствуетъ торговля. При Іоаннѣ она не могла развиться на Руси, благодаря чрезвычайнымъ стѣсненіямъ внутри государства и неудобству путей сообщенія. Внутренняя торговля обложена была множествомъ мелкихъ поборовъ. При переѣздѣ изъ земли въ землю, изъ города въ городъ, торговцы принуждены были платить таможенныя и проѣзжія пошлины, не считая другихъ, болѣе мелкихъ поборовъ, взимаемыхъ при покупкѣ и продажѣ разныхъ предметовъ. Что же касается до внѣшней торговли, то хотя въ Москву и пріѣзжали иноземные купцы,

привозившіе разныя рѣдкія издѣлія, до которыхъ былъ большой охотникъ великій князь, народъ почти не покупалъ ихъ товаровъ. Русскіе купцы раньше ѣздили торговать съ итальянцами, у которыхъ были поселенія на Черномъ морѣ, но когда эти земли были захвачены турками ѣздить туда стало не безопасно да и сообщеніе съ черноморскимъ побережьемъ было очень затруднительно по причинѣ татарскихъ ордъ и литовскихъ разбойниковъ. На сѣверѣ Новгородъ, лишившись свободы лишился и части своего торговаго значенія и, наконецъ, въ 1495 году Іоаннъ Васильевичъ окончательно добилъ тамошнюю торговлю. Придравшись къ тому, что нѣмцы въ Ревелѣ сожгли русскаго человѣка, пойманнаго на совершеніи гнуснаго преступленія, великій князь приказалъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ и притомъ не изъ одного Ревеля, а изъ разныхъ нѣмецкихъ городовъ, засадить въ погреба, запечатать новгородскіе гостиные дворы, а все имущество и товары купцовъ отписать на государя; черезъ годъ ихъ выпустили и отпустили на родину совершенно ограбленными. Само собой разумѣется, что подобные поступки не могли благопріятствовать ни развитію торговли, ни благосостоянію русской страны.

Бѣдности жителей соотвѣтствовалъ и внѣшній видъ московскаго государства. Во всѣхъ городахъ, не исключая и столицы, постройки, за исключеніемъ церквей, были деревянныя, что способствовало пожарамъ. Іоаннъ Васильевичъ, услышавъ, что въ чужихъ краяхъ, куда ѣздили его послы,

владѣтели живутъ въ каменныхъ домахъ, что у нихъ есть великолѣпныя палаты, гдѣ они даютъ торжественныя празднества и принимаютъ иноземныхъ пословъ, приказалъ построить себѣ каменную палату для торжественныхъ пріемовъ и собраній; она была построена итальянскими мастерами и до сихъ поръ сохранилась, подъ названіемъ Грановитой палаты. Около того же времени какъ Грановитая палата, былъ построенъ для Іоанна жилой каменный дворецъ. Слѣдуя примѣру государя, митрополиты Геронтій и Зосима строили себѣ кирпичныя палаты, а также трое бояръ сдѣлали себѣ каменные дома въ Кремлѣ, но это были исключенія; вообще же каменные дома не вошли въ обычай у русскихъ временъ Іоанна III. Если такъ убоги на видъ были русскіе города, то можно себѣ представить, каковы были деревни. Тогдашнія деревни были не только бѣдны, но также очень малолюдны, состояли изъ двухъ, трехъ и даже одного двора.

Если отъ имущественнаго положенія жителей московскаго государства, мы перейдемъ къ нравственному ихъ состоянію, то картина будетъ не менѣе печальная. Татарское иго, разоривъ русскую землю, способствовало и огрубѣнію нравовъ ея обитателей. Жизнь народа во время татарскаго владычества была самая тяжелая: угнетаемый татарами и своими русскими князьями отъ постояннаго сознанія угрожавшей опасности, онъ сдѣлался необыкновенно опасливъ и недовѣрчивъ. Среди князей развивались хитрость, коварство, рабская угодливость, потому что и почетъ и по-

ложеніе достигались въ то время низкими заискиваніями передъ ханомъ. Не видя нигдѣ просвѣта, люди ожесточались; близость татаръ, грубыхъ и жестокихъ, постоянныя кровавыя усобицы князей, сопровождавшіяся звѣрскимъ мучительствомъ плѣнныхъ, дѣлали русскихъ людей грубыми и злыми; отъ войнъ и грабежей князя отдыхали въ разгульныхъ пирахъ, сопровождавшихся ссорами и драками. Единственное свѣтлое пятно среди тогдашняго мрака представляли монастыри, гдѣ люди находили себѣ спокойное убѣжище и куда многіе удалялись, уставъ отъ жизненныхъ невзгодъ. Значеніе монастырей въ то время было огромно: освобожденные отъ дани, безопасные отъ татарскаго разоренія, они давали пріютъ страннику, пропитаніе голодному. Подвижники, прославившіеся святостью своей жизни, сильно вліяли на народъ, ободряли его, убѣждая своими проповѣдями и примѣромъ собственной жизни безропотно переносить всякія невзгоды на землѣ въ надеждѣ на лучшую будущую жизнь. Князья, видя примѣрную жизнь многихъ подвижниковъ, приходили къ нимъ за совѣтомъ; подвижники мирили князей и обличали ихъ несправедливые поступки. Но такое значеніе монастырей является показателемъ несовершенства тогдашней жизни: хороша была эта жизнь, если единственнымъ свѣтлымъ ея образчикомъ было монашество, то-есть удаленіе отъ жизни.

Ничто не перемѣнилось въ этомъ отношеніи въ княженіе Іоанна. Татарское иго больше не тяготѣло надъ Русской землей, но московскій князь своей жестокостью и алчностью не усту-

палъ татарскимъ ханамъ, а удѣльные князья, въ былое время раболѣпствовавшіе въ Ордѣ, теперь пресмыкались передъ Іоанномъ на ряду съ его боярами. Нравы остались такими же грубыми и жестокими. Хорошимъ показателемъ этой грубости является Судебникъ, изданный въ княженіе Іоанна (въ 1497 году). Изданіе это было вызвано притѣсненіями, которыя терпѣлъ народъ отъ намѣстниковъ Іоанновыхъ. Съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ въ нихъ посылались для управленія и суда намѣстники, назначаемые московскимъ княземъ изъ его бояръ. Эти намѣстники вмѣсто жалованія получали разныя приношенія отъ жителей областей деньгами и припасами; злоупотребляя данною имъ властью, они часто обижали подчиненное имъ населеніе: облагали его непосильными поборами, творили несправедливый судъ, брали взятки. Для защиты населенія отъ обидъ намѣстниковъ, а также для большаго объединенія присоединенныхъ къ Москвѣ земель, и былъ составленъ Судебникъ. По нему власть намѣстниковъ была ограничена участіемъ въ судѣ княжескаго чиновника, мѣстнаго старосты и выборныхъ лучшихъ людей изъ населенія.

Но насъ по занимающему вопросу интересуетъ другая сторона Судебника; эта та часть, гдѣ говорится о налагаемыхъ по суду наказаніяхъ и о „полѣ,“ то есть судебномъ поединкѣ на дубинахъ. Наказанія поражаютъ насъ своей жестокостью: не только разбой и убійство, но и святотатство, зажигательство и даже двукратное воровство карались смертью. За первое воровство

полагалась „торговая казнь,“ то есть битье кнутомъ на площади. Въ уголовныхъ дѣлахъ допускалась пытка. Всѣ эти жестокости были заимствованы у татаръ: древніе русскіе не знали смертной казни, всѣ преступленія у нихъ карались денежными пенями. Иногда судящимся предоставлялось рѣшить ихъ споръ „полемъ,“ причемъ судебные приставы должны были наблюдать, чтобы одинъ противникъ не убилъ другого; побѣдившій считался правымъ. Такая грубая и несправедливая форма рѣшенія судебнаго дѣла достаточно показываетъ, на какой высотѣ стояли тогда нравы.

Грубость ихъ не смягчалась вліяніемъ женщины, положеніе которой было самое печальное. На нее смотрѣли въ тѣ времена, какъ на низшее существо, главнымъ назначеніемъ котораго было произведеніе на свѣтѣ мужского потомства. Люди высшихъ сословій въ это время стали запирать своихъ женъ и дочерей въ терема, гдѣ они жили какъ затворницы, выѣзжая только въ церковь. Все время ихъ проходило въ занятіяхъ рукодѣліями и пустыхъ разговорахъ съ прислужницами; грамотѣ женщинъ учить не полагалось и не удивительно, что онѣ поражали иностранцевъ своимъ тупоуміемъ. Женщины средняго и низшаго сословій не вели, конечно, такой праздной жизни, но положеніе ихъ также было очень печально, такъ какъ онѣ были совершенными рабами мужей, которые старались взвалить на нихъ какъ можно больше работы. Бѣдное и грубое русское общество временъ Іоанна III отличалось своимъ невѣжест-

вомъ. Въ до-татарское время образованіе на Руси распространялось довольно быстро, заводились школы, въ которыхъ обучались дѣти бояръ и горожанъ. Татарское иго помѣшало дальнѣйшему развитію просвѣщенія. Грамотность сохранилась только среди духовенства, главнымъ образомъ въ монастыряхъ которые были единственными хранителями образованія. Въ монастыряхъ были спрятаны книги, цѣнившіяся, какъ сокровища; здѣсь занимались перепиской книгъ (до изобрѣтенія книгопечатанія книги распространялись черезъ переписку), пореводами съ греческаго языка и составленіемъ самостоятельныхъ произведеній. Изъ этихъ послѣднихъ дошли до насъ посланія, поучительныя слова, житія святыхъ, разсказы путешественниковъ, сказанія, лѣтописи, то есть разсказы объ историческихъ событіяхъ, записанные по годамъ. Въ посланіяхъ и словахъ, обращенныхъ къ князьямъ, пароду и духовенству, духовные проповѣдники обличали грубые нравы того времени и призывали къ покаянію; обиліе этихъ произведеній доказываетъ, какъ тогдашнее общество нуждалось въ нихъ. Житія святыхъ были въ тѣ времена любимымъ чтеніемъ. Охотно читали также простодушные разсказы путешественниковъ и изукрашенные па византійскій ладъ сказанія о лицахъ и событіяхъ, особенно поразившихъ современниковъ. Лѣтописи переписывались и продолжались; изъ нихъ мы и почерпаемъ свѣдѣнія объ этихъ отдаленныхъ временахъ. Духовенство по своей образованности представляло въ то время исключеніе среди тогдашняго общества; все остальное населеніе почти сплошь было безграмотно.

Іоаннъ III ничего не сдѣлалъ для поднятія просвѣщенія въ своемъ государствѣ, но въ его княженіе начинается выписываніе изъ иностранныхъ государствъ полезныхъ людей, знакомившихъ отчасти Россію съ европейскими искусствами и ремеслами (конечно въ данномъ случаѣ Іоаннъ руководствовался только соображеніями личной пользы). Изъ этихъ людей самымъ извѣстнымъ былъ итальянскій художникъ Аристотель Фіоравенти, который за 10 рублей жалованія въ мѣсяцъ (тогдашнія деньги были гораздо дороже нашихъ) былъ нанятъ Талбузинымъ и отправился за нимъ въ Россію. Фіоравенти было поручено построить Успенскій соборъ. Церковь эта воздвигнутая еще въ XIV вѣкѣ при Іоаннѣ III обветшала и была разобрана; два русскихъ мастера взялись строить ее вновь да не умѣли возвести свода. Аристотель нашелъ, что русскіе не умѣютъ ни обжигать кирпичей, ни приготовлять извести.

Онъ приказалъ все построенное разбить стѣнобитной машиной, которая очень удивляла русскихъ. „Какъ это“, говорили они, „три года церковь строена, а онъ ее меньше чѣмъ въ недѣлю разбилъ“. Еще болѣе удивлялись русскіе колесу, посредствомъ котораго Аристотель поднималъ камни при постройкѣ верхнихъ стѣнъ зданія. Церковь окончена была въ 1497 году и освящена съ большимъ торжествомъ. Аристотель былъ не только архитекторомъ: онъ умѣлъ лить пушки, колокола и чеканить монету. Іоаннъ Васильевичъ имѣлъ особое пристрастіе къ металлическому дѣлу во всѣхъ его видахъ; иноземные мастера лили

для него пушки (между прочимъ, тогда была вылита знаменитая царь-пушка), плавили металлы и чеканили мелкія серебряныя монеты изъ русскаго серебра. Этимъ и другими полезнымъ ремесламъ и искусствамъ иностранцы пытались выучить и русскихъ, но изъ этого вышло мало толка.

Иноземцы далеко не всегда встрѣчали въ Россіи хорошій пріемъ: изъ нихъ два врача погибли, благодаря тому, что не сумѣли вылечить своихъ высокопоставленныхъ больныхъ, а когда Фіоравенти, устрашенный казнью одного изъ врачей, хотѣлъ уѣхать на родину, Іоаннъ велѣлъ ограбить все его имущество, а его самого держалъ подъ стражей пока тотъ не согласился остаться.

Кромѣ этихъ заѣзжихъ мастеровъ русскимъ не у кого было учиться и не мудрено, что они были погружены въ самое темное невѣжество. Но мысль въ нихъ все-таки бродила и искала себѣ выхода. Русскіе люди того времени очень интересовались религіозными вопросами, но не всегда при этомъ держались православной вѣры. Такъ, при Іоаннѣ III появилась въ Новгородѣ и распространилась на Руси такъ называемая „ересь жидовствующихъ“. Эта ересь представляла смѣсь іудейства съ христіанствомъ; она отвергала ученіе о Святой Троицѣ, божество Іисуса Христа, почитаніе святыхъ иконъ и церковныя таинства и обряды, монашество и ставила Ветхій Завѣтъ выше Новаго.

Ересь жидовствующихъ свила себѣ прочное гнѣздо въ Москвѣ, гдѣ за нее стояли многія высокопоставленныя лица, между прочимъ и самъ митрополитъ Зосима. Іоаннъ относился первое вре-

мя къ новому ученію далеко не враждебно, такъ какъ оно подходило къ его сухому, склонному къ безвѣрію уму.

Но у ереси нашлись два сильныхъ и упорныхъ противника: архіепископъ новгородскій Геннадій и основатель Волоколамскаго монастыря игуменъ Іосифъ Санинъ. Раньше и тотъ и другой относились къ вопросу объ ереси одинаково, требуя, чтобы еретиковъ вѣшали и жгли, но потомъ Геннадій понялъ, что главная причина распространенія ереси заключается въ невѣжествѣ русскаго духовенства. Мы говорили, что это сословіе было самымъ образованнымъ на Руси, но это надо понимать относительно. Духовенство было просвѣщеннѣе остальныхъ сословій, которыя были погружены въ тьму невѣжества, но черное духовенство было образованнѣе бѣлаго; священники же были часто малограмотны и могли научить народъ лишь обрядамъ, а не сущности христіанской религіи. Геннадій, понимая это, доказывалъ необходимость училищъ для духовенства. Но Іоанну, который благодаря порученіямъ Іосифа убѣдился во вредѣ ереси, больше нравились другія средства. Въ 1504 году имъ былъ созванъ духовный соборъ, на рѣшеніе котораго было отдано дѣло объ ереси; соборъ осудилъ еретиковъ. Слѣдствіемъ этого осужденія было то, что многіе еретики были сожжены, иныхъ разослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, объявили что раскаиваются, но ихъ раскаяніе не было принято, ибо жестокій волоколам-

скій игуменъ представилъ, что раскаяніе, вынужденное страхомъ не есть истинное; несчастные были сожжены вмѣстѣ съ другими. На этомъ мрачномъ событіи мы и покончимъ внутреннюю исторію Іоаннова княженія.

Въ заключеніе нашего очерка мы должны отвѣтить на вопросъ, поставленный въ его началѣ: заслуживаетъ ли Іоаннъ названіе „великаго"? Если величіе царствованія заключается въ счастливыхъ войнахъ, расширеніи предѣловъ государства и увеличеніи власти государя, то безспорно княженіе Іоанна было великимъ, хотя и тутъ надо сдѣлать оговорку, что воевали за Іоанна его полководцы, а собирали землю и укрѣпляли великокняжескую власть его предки, дѣло которыхъ онъ вслѣдствіе благопріятныхъ условій могъ счастливо завершить. Если же, и таково наше мнѣніе, величіе царствованія заключается въ трудахъ государя, направленныхъ къ увеличенію благосостоянія и просвѣщенія его подданныхъ, то какимъ ничтожнымъ и мрачнымъ должно намъ показаться княженіе Іоанна, который не приложилъ никакихъ стараній для выведенія своего народа изъ нищеты и невѣжества, а только обиралъ и мучилъ своихъ подданныхъ. Мы надѣемся, что, несмотря на краткость нашего очерка, фигура Іоанна выяснилась въ немъ настолько, что вопросъ о величіи этого историческаго лица разрѣшается, несомнѣнно, отрицательно.

— Рыцарь большого меча. Легенда и быль. Съ рис. Ц. 40 к.

Львова, кн. М. А. *Мой дѣдъ (2 разсказа). Изд. 2-е, Съ рис. Ц. 20 к.

— *Сынъ моряка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 15 к.

— *Теплое сердце. (2 разсказа). Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

Мельницкая, А. *Красивый мальчикъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Можаровскій, А. Ѳ. *Разсказы кота въ сапогахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. *Бѣлый витязь. Съ рис. Ц. 1 р.

— *Лодь бѣлоглазая. Съ рис. Ц. 50 к.

— *Новая Земля и Вайгачъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Очертя голову. (На краю гибели). Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

— *Племена глухихъ угловъ. Съ рис. Ц. 1 р.

— *Разсказы о Божьей правдѣ. Съ рис. Ц. 75 к.

— *Чудныя страны и простые люди. Съ рис. Ц. 1 р.

Осиповъ, Н. *Бобыль. Истор. повѣсть XVI вѣка. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Перелыгинъ, Н. И. *Божья мысль. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

— *Былое. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к.

— Въ своемъ гнѣздышкѣ. Разск. изъ естествен. исторіи. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

— Добрыя дѣти. Съ рис. Ц. 30 к.

— Жизнь на водѣ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Кузнецъ-механикъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Любящая душа. Перев. съ малорос. Съ рис. Ц. 25 к.

— Лѣтней порою. Сцены изъ жизни птицъ, насѣкомыхъ и растеній. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Молитва ребенка. Съ рис. Ц. 20 к.

— Маленькая Мелася и др. разсказы. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Неожиданный гость. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Огоньки. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к.

— Пастухъ и дѣвочка. Маленькій Тарасъ. Ц. 30 к.

— *Приключенія одного воробушка. Съ рис. Ц. 15 к.

— *Рыбакъ и его дочка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Сиротка Маруся. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

— *Сиротки. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 15 к.

— *Сынокъ-кормилецъ. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Черевички. Повѣсть. Съ рис. Ц. 20 к.

Поливанова, Е. Исторія одного котенка. Съ рис. Ц. 40 к.

— *Находка. Разсказъ. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Поль, А. *Не безъ добрыхъ людей. Съ рис. Ц. 20 к.

— Въ муравьиномъ царствѣ. Улитка. Ц. 20 к.

— *Послѣ урока. Съ рис. Ц. 25 к.

Поповъ, В. А. Милосердный орелъ и др. легенды и сказки. Съ рис. Ц. 25 к.

— *По островамъ Ладожскаго озера. Съ рис. Ц. 40 к.

Радичъ. *Богданъ Хмельницкій. Съ рис. Ц. 50 к.

Рождественская, А. Неожиданная помощь. Съ рис. Ц. 20 к.

Розовъ-Цвѣтковъ, В. Три года на островѣ людоѣдовъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Филимоша. Съ рис. Ц. 30 к.

Сысоевъ, В. *Австралійскіе звѣри. Съ рис. Ц. 25 к.

— Волшебныя сказки. Съ рис. Ц. 40 к.

— *Грызуны. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Интересныя птицы. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Интересныя рыбы. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Интересныя насѣкомыя. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Копытные звѣри. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Летающіе звѣри. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Хищные звѣри. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Четверорукіе звѣри. Съ рис. Ц. 25 к.

Сѣверцевъ (Полиловъ). *Большое счастье. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Переполохъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Трошка. Съ рис. Ц. 40 к.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЪ и ВОЙСКЪ.

Александровскій, А. И. Народное правленіе въ древней Руси. Ц. 15 к.

Асовъ, Н. *Ядовитость нашихъ съѣдобныхъ растеній Ц. 5 к.

Бабенко. *Лирникъ. Ц. 5 к.

Беллами, Э. Черезъ сто лѣтъ (сокращ.) Ц. 10 к.

Гринченко. *Поиски истины. Ц. 3 к.
— *Кто работаетъ, тотъ и имѣетъ. Ц. 10 к.
— *Безъ хлѣба. Ц. 4 к.

Гюи-де-Мопассанъ. *Волкъ. Подъ снѣгомъ. Рыболовы. Ц. 7 к.

Додэ, А. *Прежнее и новое счастье. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
— *Три разсказа. Изд. 2-е. Ц. 8 к.

Конанъ-Дойль, А. Желтое лицо. Ц. 5 к.

Линдъ, В. *Что дѣлалось въ русской землѣ до начала русскаго государства. Ц. 8 к.

Линдъ, О. Іоаннъ III. Ц. 15 к.
— Дмитрій Самозванецъ. Ц 12 к.
— *Князь Владиміръ Мономахъ. Ц. 10 к.
— Мамаево побоище. Ц. 8 к.
— *Тверь и Москва въ первую половину XIV в. Ц. 10 к.

Линдъ, Т. Іоаннъ Грозный. Ц 15 к.
— Крещеніе Руси. Ц. 8 к.
— *Никонъ и Аввакумъ. Ц. 10 к.

Любичъ-Кошуровъ, I. А. Въ окопахъ. Ц. 3 к.
— Въ блиндажѣ. Ц. 4 к.
— Лазутчикъ. Ц. 3 к.
— Чемоданъ съ деньгами. Ц. 7 к.
— Черный панъ. Ц. 8 к.

Маевскій, Борисъ. Звѣзда поэта. Отецъ Василій. Ц. 5 к.
— *Плѣнники. Полковое знамя. Ц. 5 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. *Старый воробей. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
— *Пріемышъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
— *Савка. Изд. 3-е. 5 к.
— *Конь-Разбойникъ. Изд. 2-е. Ц. 7 к.
— *Исповѣдь. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
— *Васька-Забалуй. Изд. 2-е Ц. 3 к.
— *Постойко. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
— *Малиновыя горы. Изд. 2-е. Ц. 7 к.
— *Горой. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Мститель. Ц. 8 к.
— *Черный рыцарь. Ц. 7 к.
— *Богъ проститъ. Ц. 10 к.
— *Соловьиная ночь. Ц. 5 к.
— *Старый фельдфебель. Ц. 15 к.
— *Забытый рудникъ. Ц. 8 к.
— Застрѣлился. Ц. 5 к.
— Счастье Ивана Непомнящаго Ц. 15 к.
— Заклеванный воробей. Ц. 8 к.
— Мальчикъ простилъ. Ц. 5 к.

Паперъ, А. *Печатникъ-колдунъ. Ц. 5 к.
— *Первый желѣзнодорожный поѣздъ. Ц. 5 к.
— *Безъ вины виноватый. Ц. 5 к.

Пахомовъ, Ив. *Черная прорубь. Ц. 5 к.
— *Худой таланъ. Ц. 8 к.
— *Кузнецъ Макарка. Ц. 3 к.

Перелыгинъ, Н. И. *Еремѣй. Ц. 6 к.
— *Въ плѣну. Ц. 4 к.

Поль, А. *Чортова долина. Тайна сѣрой кошки. Ц. 3 к.
— *Объ Іоаннѣ Гусѣ. Ц. 4 к.
— *А. С. Хомяковъ. Біографическій очеркъ. Ц. 5 к.
— *Рыцарь Ла-Валеттъ. Ц. 8 к.

Прусъ, Бол. *Антекъ. Ц. 7 к.

Сенкевичъ, Г. *Пойдемъ за Нимъ. Ц. 5 к.

Сѣверцевъ (Полиловъ). *Прощеный. Ц. 3 к.
— *Бандиты. Ц. 3 к.
— *У святого ручья. Ц. 4 к.

Уйда. *Муфлу. Ц. 5 к.

Франко, И. *Маленькій Миронъ. Ц. 3 к.

Черскій, Л. Ф. *Дорогой гость. Ц. 3 к.

Юноша, Кл. *Дѣдушкинъ питомецъ. Ц. 12 к.

Всѣ книги, отмѣченныя знакомъ *, допущены въ безплатныя нар. читальни и библіотеки.

